

№ 1(48)
2022

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

Редакционный совет:

- С. К. Буряков** (Омская академия МВД России)
Г. В. Короткова (Отдел организации дознания УМВД России по Омской области)
С. В. Марковиченко (Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Омской области)
Т. М. Мартыненко (Следственное управление УМВД России по Омской области)
К. В. Храпцов (Арбитражный суд Омской области)
В. А. Шевченко (Прокуратура Омской области)

Редакционная коллегия:

- А. М. Баранов** (Омская академия МВД России)
О. И. Бекетов (Омская академия МВД России)
В. Н. Борков (Омская академия МВД России)
М. М. Горшков (Омская академия МВД России)
В. А. Гусев — главный редактор (Омская академия МВД России)
А. С. Дежнев (Омская академия МВД России)
В. В. Кальницкий (Омская академия МВД России)
В. Ф. Луговик (Омская академия МВД России)
Я. М. Мазунин (Омская академия МВД России)
А. А. Нечепуренко (Омская академия МВД России)
А. В. Павлов — заместитель главного редактора (Омская академия МВД России)
Л. А. Пупышева — ответственный секретарь (Омская академия МВД России)

Редактор О. В. Арефьева
Корректор М. В. Виноградова

Технический редактор П. В. Ярославцева
Перевод на английский язык Ю. И. Алферова
Адрес издателя, редакции и группы полиграфической и оперативной печати: Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России.
Тел.: (3812) 75-13-04, 75-14-97

Цена свободная.

Выход в свет 28.06.2022. Тираж 140 экз.
Уч.-изд. л. 7,4. Усл. печ. л. 7,4. Заказ № 209.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна
© Омская академия МВД России, 2022

В НОМЕРЕ

Поздравляем с юбилеем

Коробкова Е. Е. 70-летию профессора В. А. Азарова посвящается 3

Производство по уголовному делу

Агаев А. Н., Диваев А. Б. Актуальные вопросы прокурорского надзора за законностью проверки сообщений о преступлениях 5

Арсанукаев А. Р., Шумилова Т. Н. Конкуренция правовых режимов производства проверки сообщений о преступлениях и происшествиях. 11

Дударева М. А. Особенности реализации требований ст. 161 УПК РФ в досудебном производстве по уголовным делам. 15

Куряхова Т. В. Особенности продления срока производства следственных и иных процессуальных действий по уголовному делу, возвращенному судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ 18

Лугинец Э. Ф. Применение видео-конференц-связи на досудебных стадиях уголовного процесса: плюсы и минусы 22

Нуриев И. Н.-о. Производство следственных действий при помощи средств видео-конференц-связи в ходе предварительного расследования: вопросы теории и практики 25

Ткачёва Е. С. Ограничение права на неприкосновенность жилища в уголовном судопроизводстве. 28

Чемерилова Е. Н., Бондаренко А. А. Пределы уголовной ответственности лица, выданного Российской Федерации 33

Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора

Пупышева Л. А., Бекетов А. О. Право потерпевшего на участие в судебном заседании при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора: проблемы реализации. 38

Криминалистика

Анешева А. Т. Особенности возбуждения уголовного дела и обстоятельств, подлежащих установлению, при нарушении правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортным средством. 42

Административное право и административный процесс

Булатов Б. Б. Применение положений ст. 1.7 КоАП РФ к нормам, носящим временный характер: постановка проблемы 45

В помощь изучающим уголовный процесс

Кальницкий В. В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве основания для производства следственных действий 48

Материалы конференции

<i>Бурмагин С. В.</i> Уголовное производство по назначению судебного штрафа нуждается в модернизации	54
<i>Диваев А. Б.</i> Социальная природа уголовно-процессуального конфликта	58

Сведения об авторах	60
--------------------------------------	----

Abstracts and Key Words	61
--	----

Информация для авторов	64
---	----

70-летию профессора В. А. Азарова посвящается

Владимир Александрович Азаров — Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета — один из ярчайших представителей омской научной школы процессуалистов, среди которых В. В. Николук, Б. Б. Булатов, В. В. Кальницкий и многие другие ученики выдающегося российского ученого, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Александра Александровича Чувилева, внесшего особый вклад в становление омской научной процессуальной школы.

Владимир Александрович Азаров родился 11 марта 1952 г. в Омске. В 1973 г. окончил один из самых престижных вузов страны — Свердловский юридический институт. С 1973 г. по 1974 г. В. А. Азаров служил в Советской Армии. Вернувшись из армии, стал работать по специальности, полученной в институте, — следователем в УВД Омской области, где прослужил с 1974 г. по 1982 г., пока не принял для себя очень важное решение — оставить практическую деятельность и реализовать себя в качестве преподавателя и ученого, используя свой практический опыт. С 1982 г. по 2001 г. он прошел большой профессиональный путь: преподаватель, старший преподаватель, доцент, профессор, начальник кафедр криминалистики, уголовного процесса Омской академии МВД России.

За долгие годы ему удалось воспитать множество грамотных следователей, адвокатов, прокуроров и су-

дей. Реализовав себя как Педагог, Владимир Александрович стал активно, целеустремленно заниматься наукой, отдавая этому немало сил и времени.

В 1985 г., обучаясь в очной адъюнктуре Московской высшей школы милиции МВД СССР, под руководством А. А. Чувилева досрочно подготовил и защитил кандидатскую диссертацию на тему «Возмещение вреда, причиненного преступлением», а через 10 лет, в 1996 г. — докторскую диссертацию на тему «Проблемы теории и практики охраны имущественных интересов личности в уголовном судопроизводстве» в Московской академии МВД России.

Сферу научных интересов В. А. Азарова составляют проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы, оперативно-розыскной деятельности. Наиболее весомый вклад им внесен в разработку теоретических основ обеспечения имущественных интересов личности в сферах уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности. В частности, он разработал авторскую концепцию охраны имущественных интересов личности в уголовном судопроизводстве. В рамках данной концепции с нетрадиционных позиций комплексно исследована проблема обеспечения неприкосновенности материальных благ граждан, вовлекаемых в производство по уголовному делу в любом качестве, т. е. независимо от их процессуального положения. Оригинально интерпретированы такие категории уголовно-процессуальной доктрины, как сущность и содержание, предмет и объект законного интереса личности. В. А. Азаров достиг значимых результатов в исследовании уголовно-процессуального статуса личности, дал понимание социальной ценности имущественных интересов личности в уголовном судопроизводстве. Итогом этого труда стали следующие работы профессора: «Вопросы солидарной и долевой имущественной ответственности по делам о преступлениях, причинивших материальный ущерб» (Правоведение. 1987. № 1) (в соавторстве с А. А. Чувилевым), «Деятельность органов дознания, предварительного следствия и суда по охране имущественных интересов граждан» (Омск, 1990); «Проблемы теории и практики охраны имущественных интересов личности в уголовном судопроизводстве» (Омск, 1995). В результате плодотворной совместной работы с его учеником С. В. Супруном в 2001 г. была издана монография «Охрана имущественных интересов личности в сферах оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности».

Еще одним направлением деятельности профессора В. А. Азарова является сфера исследования теоретических основ и истории формирования института судебного контроля в российском уголовном процессе. Анализу подверглись исторические, теоретические и правовые проблемы реализации функции судебного контроля в отечественном уголовном судопроизвод-

стве. Итогом стала монография «Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России» (Омск, 2004), написанная под руководством и с участием профессора В. А. Азарова совместно с И. Ю. Таричко. На страницах указанной монографии исследуются ретроспектива и современный комплекс социальных и правовых условий, способствовавших зарождению, формированию, воссозданию и становлению судебного контроля, анализируются отличительные признаки, понятие, сущность, пределы данного правового явления, обосновывается самостоятельность одноименной уголовно-процессуальной функции и определяется ее место в функциональной характеристике обновленного уголовного процесса России. Существенная часть отводится типологии уголовного процесса и формированию функции судебного контроля в России.

В сферу научных интересов профессора В. А. Азарова входит и досудебное производство. Результатами научного труда в этой области являются «Функция предварительного расследования в истории теории и практике уголовного процесса России» (Омск, 2006; в соавторстве с Н. И. Ревенко, М. М. Кузембаевой); «Юридические лица в уголовном процессе России: теоретические основы, законодательство и практика» (Омск, 2010; в соавторстве с М. Х. Абдрахмановым, М. Р. Сафаралеевым); «Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам» (Москва, 2013; в соавторстве с В. А. Константиновой); «Упрощенные судебные производства уголовного процесса России и специфика их процессуальной формы» (Томск, 2011); «К вопросу о преюдиции в уголовном процессе России и зарубежных стран» (Омск, 2013); «Стратегия развития уголовно-процессуального законодательства России» (Омск, 2019); «Дифференциация судебных решений и порядок их апелляционного и кассационного пересмотра» (Омск, 2021; в соавторстве с В. А. Константиновой).

В основе научной и педагогической деятельности В. А. Азарова лежит конструктивная идея тесной связи теории и практики уголовного судопроизводства, на которой воспитаны все его ученики.

Владимир Александрович осуществляет научное руководство аспирантами и соискателями. В Омской

академии МВД России трудились и трудятся его ученики А. Н. Артамонов, Е. Е. Коробкова, А. В. Писарев, С. В. Супрун, И. А. Чердынцева.

Отдав много лет Омской академии МВД России, В. А. Азаров сегодня представляет кафедру уголовного процесса Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского. Следует сказать, что омская школа процессуалистов благодаря традициям и дружбе представлена тремя крупными вузами — Омской академией МВД России, Омским государственным университетом и Сибирским юридическим университетом. Сотрудники кафедры уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета признаются, что активное участие в научной деятельности в сфере уголовного судопроизводства вуз стал принимать только с приходом на кафедру Заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В. А. Азарова, являющегося автором более 160 научных работ. В Омском государственном университете имени Ф. М. Достоевского также трудятся его ученики М. Х. Абдрахманов, В. А. Константинова, Д. М. Нурбаев, Н. И. Ревенко, И. Ю. Таричко и др.

В. А. Азаров участвует в работе диссертационных советов по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук, на соискание ученой степени доктора юридических наук, широко востребован в качестве официального оппонента, активно участвует в научно-практических конференциях, его труды интересны, обсуждаемы и широко цитируемы. Все это говорит о признании научных достижений профессора В. А. Азарова.

Рассказать обо всех направлениях деятельности и научных интересах В. А. Азарова, его спортивных достижениях и восхищенных признаниях благодарных учеников не представляется возможным в рамках одной публикации.

Восхищаясь работоспособностью уважаемого профессора, широтой его мышления, мы хотим пожелать Владимиру Александровичу талантливых, достойных, успешных и благодарных учеников и неисчерпаемой энергии в реализации своего научного потенциала в фундаментальных исследованиях, посвященных актуальным проблемам уголовного судопроизводства.

Е. Е. КОРОБКОВА

Актуальные вопросы прокурорского надзора за законностью проверки сообщений о преступлениях

Исследованы вновь принятые организационно-распорядительные документы Генеральной прокуратуры РФ, направленные на совершенствование средств прокурорского надзора за уголовно-процессуальной деятельностью органов предварительного расследования. Обозначаются основные проблемы целеполагания данных нормативных документов, а также несоответствие имеющихся уголовно-процессуальных средств прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовных дел его задачам, сформулированным в приказах.

Ключевые слова: прокурорский надзор; сообщение о преступлениях; законность; предварительное расследование.

В конце прошлого и начале текущего года Генеральной прокуратурой Российской Федерации введены в действие два организационно-распорядительных документа, направленных на совершенствование прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования. Речь идет о приказе Генеральной прокуратуры РФ от 17 сентября 2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением процессуальной деятельности органов предварительного следствия» (далее — приказ № 544) и приказе Генеральной прокуратуры РФ от 19 января 2022 г. № 11 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» (далее — приказ № 11)¹.

В целом никаких революционных новелл эти акты не содержат, что в принципе можно оценить положительно, поскольку уголовно-процессуальные отношения — это не та сфера правового регулирования, где требуются радикальные решения. Здоровый, учитывающий национальные особенности эволюции судебной и правоохранительной систем консерватизм — единственно возможный способ построения такого порядка уголовного судопроизводства, который полностью отвечал бы потребностям общественного развития. И с этой точки зрения, оба рассматриваемых приказа Генеральной прокуратуры РФ демонстрируют такой «эволюционный» подход к совершенствованию средств прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного расследования.

Вместе с тем нельзя не отметить наличие в их содержании ряда новелл, а также дискуссионность части из них. Остановимся лишь на некоторых моментах общего характера, отраженных в рассматриваемых приказах, и тех спорных положениях, которые касаются осуществления прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела и способны, по нашему мнению, снизить его эффективность.

Для начала определимся с тем, что мы подразумеваем под категорией «эффективность» применительно к прокурорскому надзору как виду государствен-

ной властной деятельности, направленной согласно Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации» на обеспечение «верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства»². Эффективность прокурорского надзора в целом, независимо от его отрасли, следует рассматривать как его способность обеспечить достижение поставленных законодателем перед ним целей, а именно: верховенства закона; единства и укрепления законности; защиты прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства. Если органы прокуратуры, используя средства прокурорского надзора, реализуют данный комплекс целей, он показывает свою эффективность. И, наоборот, если прокурорский надзор в силу недостатков правового регулирования этой деятельности или изъянов в ее организации не будет способен на это, он явно неэффективен.

С этой точки зрения, эффективность прокурорского надзора за уголовно-процессуальной деятельностью органов предварительного расследования нужно рассматривать как частное проявление эффективности прокурорского надзора в целом, взятое применительно к конкретному виду правовой деятельности — предварительному расследованию. А, значит, его целями являются обеспечение законности предварительного расследования, защита прав и свобод участников уголовного судопроизводства и иных лиц, вовлеченных в производство по уголовному делу, а также обеспечение затрагиваемых в ходе него интересов общества и государства.

Такая трактовка целей прокурорского надзора за уголовно-процессуальной деятельностью органов предварительного расследования ставит под сомнение цели надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и дознания, обозначенные в соответствующих приказах. В частности, приказ № 544 в качестве таковой указывает на «совер-

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

шенствование организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия», а приказ № 11 — «совершенствование организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» и «незамедлительное реагирование на выявленные нарушения законов, допущенные при рассмотрении сообщений о преступлениях и расследовании преступлений».

Как представляется, предложенные формулировки не совсем точны с точки зрения логики. Дело в том, что прокурорский надзор — это лишь средство реализации тех правовых и социальных целей, которые определяются законодателем на нормативном уровне. А поэтому указание в качестве целевой установки «совершенствование организации прокурорского надзора» фактически превращает прокурорский надзор в самоцель, что абсолютно не позволяет определить, насколько он эффективен в достижении той цели, которая установлена для него законодателем. Другими словами, не совсем понятно, в чем же заключается действительная цель приказов о совершенствовании организации прокурорского надзора — в самом его совершенствовании или в обеспечении средствами прокурорского надзора законности, гарантированности прав, свобод и законных интересов личности, общества и государства в соответствующей сфере правового регулирования. Отсюда, если принять тот факт, что их целью является то самое «совершенствование организации прокурорского надзора», вполне прогнозируема ситуация, когда организация прокурорского надзора будет усовершенствована (т. е. цель, указанная в приказе, будет достигнута), однако реальная эффективность его осуществления останется на прежнем уровне, так как это не приведет к укреплению законности и гарантий прав, свобод и законных интересов граждан. При этом объективный индикатор того, что совершенствование организации надзора не привело к желаемому эффекту, остается вне поля зрения уполномоченных подразделений Генеральной прокуратуры РФ, и это не позволяет им вовремя отреагировать на проблему и внести необходимые коррективы в прокурорско-надзорную деятельность.

Косвенным свидетельством такого развития событий является очень сходное (иногда дословное) содержание прежних³ и действующих приказов Генеральной прокуратуры РФ по организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования. Их анализ показывает, что, несмотря на постоянное «совершенствование» организации прокурорского надзора в этой части производства по уголовному делу, перечень направлений такого совершенствования остается практически неизменным. Так, в каждом из рас-

сматриваемых организационно-распорядительных документов в той их части, которая касается организации прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела, речь идет о необходимости осуществления такого надзора на систематическом уровне, об особом отношении к надзору за соблюдением сроков проверки, безотлагательной проверке в установленные законом сроки материалов возбужденных уголовных дел, обязательном принятии мер к отмене незаконных и необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел и т. д. Ничего странного в этом нет: это, действительно, важнейшие вопросы, которые требуют самого тщательного отношения к ним со стороны прокурора. Вызывает возражения периодичность обращения к ним. Генеральная прокуратура РФ, раз за разом, из года в год, в каждом вновь принятом приказе указывает на необходимость совершенствования организации прокурорского надзора именно в этих направлениях. Напрашивается закономерный вопрос, не является ли это свидетельством того, что такое «совершенствование» не достигает необходимого результата, что, реализуя формальные цели, эти приказы не способствуют повышению эффективности прокурорского надзора в данной сфере процессуальной деятельности.

Отметим еще одну общую проблему. Она касается исключительно приказа № 11 от 19 января 2022 г. Если исходить из его названия, он должен быть посвящен организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания. Соответственно, именно она — уголовно-процессуальная деятельность органов дознания — должна рассматриваться как предмет его регламентации. Однако, если внимательно проанализировать положения данного приказа, становится очевидным несоответствие заявленного в названии объекта прокурорского надзора и реального его содержания. Поясним сказанное.

Согласно ч. 2 ст. 40 УПК РФ уголовно-процессуальная деятельность органов дознания в первую очередь заключается в осуществлении дознания по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия в силу закона или письменного указания прокурора признано необязательным, а также производстве неотложных следственных действий по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно. Кроме того, на органы дознания возлагаются и другие процессуальные полномочия, среди которых можно выделить два основных: проверку заявлений и сообщений о преступлениях и возбуждение уголовных дел, а также исполнение поручений следователей на производство следственных и иных процессуальных действий по находящимся в их производстве уголовным делам. Все эти полно-

³ Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия : приказ Генеральной прокуратуры РФ от 28 декабря 2016 г. № 826 ; Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания : приказ Генеральной прокуратуры РФ от 26 января 2017 г. № 33. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

мочия очевидны и не являют собой какой-либо проблемы.

Однако обращение к тексту рассматриваемого приказа № 11 обнаруживает тот факт, что в его положениях идет речь исключительно о деятельности органов дознания в стадии возбуждения уголовного дела и о производстве дознания по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно. Почему же отсутствуют хоть какие-то указания об организации прокурорского надзора за иными формами уголовно-процессуальной деятельности органов дознания? Или в этой сфере процессуального надзора прокурора вообще нет организационных проблем, требующих вмешательства Генеральной прокуратуры РФ? Весьма сомнительно.

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что, указывая в названии приказа № 11 в качестве предмета его регламентации исключительно уголовно-процессуальную деятельность органов дознания, его авторы забывают, что дознание по уголовным делам могут осуществлять не только органы дознания, но и следователи Следственного комитета РФ (в частности, военные следователи — по уголовным делам о преступлениях, совершенных военнослужащими и лицами, проходящими военные сборы). Если следовать названию приказа, вопросы организации прокурорского надзора за их уголовно-процессуальной деятельностью также выпадают из предмета его регламентации. Возможно, Генеральная прокуратура предлагает использовать приказ № 11 по аналогии?

Учитывая, что вопросы организации прокурорского надзора за дачей поручений следователями органам дознания и их исполнением, а также производством дознания следователями Следственного комитета РФ относятся к сфере прокурорского надзора за уголовно-процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, можно было бы предположить, что они нашли свое разрешение в приказе № 544 от 17 сентября 2021 г. Однако это не так. Анализ положений этого приказа показал, что и в его содержании не нашлось места для проблем организации прокурорского надзора за этим сегментом уголовно-процессуальной деятельности. Таким образом, вполне очевиден пробел в подзаконной регламентации организации прокурорского надзора за уголовно-процессуальной деятельностью как органов дознания, так и органов предварительного следствия в той части, где их уголовно-процессуальные полномочия пересекаются.

Изложенное достаточно убедительно доказывает, что названия обоих приказов Генеральной прокуратуры, посвященных организации прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного расследования, не соответствуют их содержанию. Более предпочтительным в этом отношении было бы название, которое отражало бы направленность этих

приказов на организацию прокурорского надзора за отдельными видами уголовно-процессуальной деятельности, безотносительно их привязки к тем или иным органам: законности возбуждения уголовного дела и производства предварительного следствия или дознания.

Мы уже указывали на то, что вновь принятые приказы не содержат революционных положений. Они по-прежнему акцентируют внимание работников прокуратуры на всемерном обеспечении защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Однако обращает на себя внимание расхождение в формулировании этих приоритетов в тексте приказов. Казалось бы, и органы предварительного следствия, и органы дознания, расследуя преступления, в той или иной форме занимаются принципиально идентичной деятельностью, задачи которой не могут отличаться друг от друга. Отличается форма этой деятельности (с этим невозможно не согласиться), но не содержание. Между тем, ориентируя работников прокуратуры на осуществление надзора за деятельностью органов следствия, приказ № 544 констатирует, что приоритетными в этом отношении являются «защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, интересов Российской Федерации... защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения», для обеспечения чего прокуратура в пределах полномочий принимает «меры к восстановлению нарушенных прав, возмещению материального ущерба и компенсации морального вреда». Как видим, в такой интерпретации приказа задачи органов прокуратуры по надзору за деятельностью органов предварительного следствия практически совпадают с содержанием ст. 6 УПК РФ, предусматривающей назначение уголовного судопроизводства. Единственное отличие: в п. 1.1 приказа № 544 система приоритетных задач дополнена интересами Российской Федерации, что следует оценить весьма положительно и обратить на это внимание законодателя на предмет внесения подобной поправки в ст. 6 УПК РФ.

Совершенно иначе выглядит система приоритетных задач прокурорского надзора за деятельностью органов дознания. Согласно п. 2 приказа № 11 такими признаются «защита прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а также иных лиц, чьи права и законные интересы были нарушены в результате совершения преступления», для чего надлежит «принимать исчерпывающие меры, направленные на устранение нарушений и восстановление прав граждан, в том числе на доступ к правосудию в разумный срок, а также возмещение причиненного преступлением ущерба».

Сама по себе формулировка приоритетных задач прокурорского надзора, отраженных в содержании рассматриваемых приказов, представляется вполне допустимой. Недоумение вызывает лишь расхождение

в этих формулировках, чего быть не должно, так как круг вопросов организации прокурорского надзора, разрешаемых в этих приказах, подобен: и в одном и в другом даются указания по организации надзора за осуществлением процессуальной деятельности по возбуждению уголовного дела и предварительному расследованию. Несмотря на это, круг приоритетных задач надзора за деятельностью органов дознания очевидно шире в сравнении с теми задачами, которые сформулированы перед работниками прокуратуры, надзирающими за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия.

Рассмотрим более частные вопросы, которые возникают при ознакомлении с содержанием названных приказов. Учитывая формат научной статьи, дать полноценный комментарий этим организационно-распорядительным документам Генеральной прокуратуры вряд ли получится, а поэтому, дабы избежать поверхностного изложения материала, сосредоточим внимание исключительно на традиционно «болевым» точкам — организационных вопросах прокурорско-надзорной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела.

Как показало исследование, нарушения закона, выявляемые прокурорами, осуществляющими надзор за проверкой заявлений и сообщений о преступлениях и законностью возбуждения уголовных дел и отказов в этом, вполне типичны и не претерпели значительных изменений за последние два десятилетия. К ним традиционно относятся:

- проведение доследственных проверок в порядке, предусмотренном ст. ст. 144–145 УПК РФ, по сообщению о происшествии, которое явно не содержит в себе признаков преступления;
- отсутствие решения по вопросу о возбуждении уголовного дела по ст. 306 УК РФ о заведомо ложном доносе при отказе в возбуждении уголовного дела по результатам проверки сообщения о преступлении, связанного с подозрением в его совершении конкретного лица или лиц;
- отказ в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления в отношении неустановленного лица;
- отсутствие указания на мотивы принятия решения о продлении сроков проверки заявлений и сообщений о преступлениях до 30 суток, допускаемое со стороны руководителей следственных органов;
- несвоевременность уведомления заявителей о принятом по итогам проверки их заявлений о преступлении решении, а также несвоевременное направление копии данного решения прокурору;
- нарушение сроков проверки заявлений и сообщений о преступлениях, а также требования разумности сроков принятия решения по заявлению или сообщению о преступлении.

Кроме того, отмечаются случаи неправомерного возбуждения уголовных дел (в первую очередь органами дознания и дознавателями) при отсутствии

признаков преступления или наличия признаков малозначительности; нарушения правил подследственности — возбуждение уголовных дел и принятие их к производству органом, которому оно не подследственно.

Содержание действующих приказов об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования показывает, что Генеральной прокуратуре РФ все озвученные проблемы правоприменительной практики известны давно, однако действенного механизма если не искоренения, то минимизации таких нарушений закона, доведения их количества до уровня случайности пока не получается, что еще раз ставит вопрос об индикаторах эффективности прокурорского надзора в этой сфере.

С точки зрения регламентации порядка реализации конкретных уголовно-процессуальных полномочий по надзору в стадии возбуждения уголовных дел исследуемые приказы вполне традиционны. Конечно, в них есть ряд новелл, но они не носят принципиального характера.

Так, приказ № 11 ориентирует прокуроров при необходимости брать под контроль ход проведения процессуальных проверок заявлений и сообщений о преступлениях и, что самое главное, их результаты заслушивать с участием руководителей органов дознания. Безусловно, это новшество включено в приказ, чтобы повысить уровень ответственности за те решения, которые принимаются их подчиненными.

В целях борьбы с нарушениями разумного срока проверок по заявлениям и сообщениям о преступлениях, помимо внесения мер прокурорского реагирования, приказы обязывают прокуроров принципиально бороться с установленными фактами фальсификации материалов доследственных проверок, а также случаями умышленного непринятия мер к поиску совершивших уголовно наказуемые деяния лиц, повлекшими истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности, в том числе направлением соответствующих материалов в следственный орган для решения вопроса об уголовном преследовании виновных лиц.

Заслуживает внимания и факт отражения в приказах условий вынесения прокурором постановления о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по случаям выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства. Такое постановление может быть вынесено прокурором только по результатам полной и всесторонне проведенной прокурорской проверки, содержащей достаточные данные о наличии признаков преступления. Во всех иных случаях материалы, требующие, по мнению прокурора, правовой оценки, необходимо направлять для организации проверки в порядке ст. ст. 144, 145 УПК РФ, т. е. для их проверки на предмет наличия признаков преступления и при-

нения решения о возбуждении уголовного дела или отказе в этом в общем порядке.

Можно выделить еще ряд новых положений рассматриваемых приказов, обратим внимание на два, как представляется, самых спорных.

Во-первых. В связи с дисбалансом надзорных полномочий прокурора в уголовном процессе, явный приоритет среди которых отдан полномочиям по надзору за деятельностью органов дознания, вызывают вопросы и ряд положений приказа № 544. Так, приказ предписывает прокурорам в целях контроля за проведением следователями дополнительных проверок заявлений и сообщений о преступлениях, инициированных прокурорами при отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и принятия по ним решений, «добиваться вынесения законного и обоснованного процессуального решения по сообщению о преступлении». И это верно. Однако возникает вопрос о достаточности у прокурора уголовно-процессуальных средств для реализации этого указания Генеральной прокуратуры РФ. Ни для кого не секрет, что ставший с 2007 г. возможным отказ следователя от выполнения требований прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, значительно затруднил реализацию прокурорами своих надзорных полномочий в этой части. По сути, законодатель своими руками заложил в уголовно-процессуальный закон основу для совершенно не нужного конфликта между следователем и прокурором.

Косвенно такой вывод следует и из самого содержания приказа № 544, который упоминает и об «игнорировании законных требований прокурора», и о случаях «длительного невозобновления проверки», и о «необоснованном отклонении требований прокурора». Это не увязывается с привычной для нас моделью прокурорского надзора, подразумевающей властный характер этой деятельности и безусловную обязательность надзорного предписания для поднадзорного субъекта.

На уровне приказов Генеральной прокуратуры РФ данную проблему решить невозможно, и авторы рассматриваемого приказа, вполне сознавая это, предприняли попытку решить проблему обеспечения законности деятельности следователя в стадии возбуждения уголовного дела имеющимися средствами. Однако в нынешних условиях эта попытка вряд ли увенчается успехом. Решать эту проблему нужно на более высоком уровне, вернув прокурору действенный надзорный инструмент в отношении уголовно-процессуальной деятельности следователя и обязав последнего безусловно выполнить надзорное требование прокурора, лишив его даже гипотетической возможности проигнорировать это указание. Несогласие следователя с указанием прокурора может быть компенсировано его правом обжа-

ния этого требования вышестоящему прокурору, но только после его выполнения, так как процессуальная самостоятельность следователя не должна быть его процессуальной вседозволенностью. А именно это, к сожалению, с некоторых пор и происходит в нашем уголовном процессе.

И во-вторых. Рассматриваемые приказы особое внимание уделили надзору за законностью возбуждения уголовных дел в отношении лица, что вполне объясняется двойственной природой этого решения: им не только инициируется производство по уголовному делу, но и дается начало уголовному преследованию конкретного гражданина, подозреваемого в совершении преступления, получающего одновременно возможность реализовывать все возможности по защите своих прав, предусмотренные для подозреваемого уголовно-процессуальным законом. Промедление с принятием такого решения, а тем более возбуждение уголовных дел в отношении неустановленного лица по факту преступления при наличии достаточных данных о его совершении конкретным лицом существенно нарушает право на защиту. Пункт 1.5 приказа № 544 и п. 11 приказа № 11 прямо указывают на то, что такие случаи должны пресекаться «мерами прокурорского реагирования». Однако возникает вопрос, о каких мерах идет речь.

Исходя из требований Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», таким мерами могут быть исключительно надзорные инструменты, предусмотренные УПК РФ. Если следовать смыслу ст. 146 УПК РФ, то прокурор, получив постановление о возбуждении уголовного дела по факту, тогда как по установленным обстоятельствам есть основания полагать, что дело должно быть возбуждено в отношении конкретного лица, должен отменить такое постановление. Что же произойдет далее? Следователю или дознавателю необходимо возбудить уголовное дело заново по тем же основаниям, но уже в отношении конкретного лица? Но такое решение проблемы выглядит весьма неоднозначно с точки зрения закона. Статья 146 УПК РФ требует от прокурора отменять исключительно незаконные и необоснованные постановления о возбуждении уголовного дела. На это обращают внимание и приказы об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, констатирующие, что такое решение прокурором может быть принято исключительно при выявлении существенных нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих незаконное привлечение лица к уголовной ответственности либо признание доказательств недопустимыми. Очевидно, что ни один из указанных случаев не попадает под соответствующее требование приказов Генеральной прокуратуры РФ. Налицо явное противоречие требования о принятии мер, направленных на пресечение фактов намеренного отказа от возбуждения дел в отношении лиц, и оснований применения этих мер.

В заключение мы вынуждены констатировать, что при всех положительных чертах вновь принятых приказов Генеральной прокуратуры РФ об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследо-

вания в них имеются явные пробелы объективного и субъективного характера, которые способны значительно повлиять на эффективность прокурорского надзора в сфере досудебного производства по уголовному делу, в связи с чем требуют устранения.

Конкуренция правовых режимов производства проверки сообщений о преступлениях и происшествиях

Статья посвящена правовым режимам производства проверки по поступившим в органы внутренних дел сообщениям о преступлениях, административных правонарушениях и иных происшествиях. Обращается внимание на фактическое отсутствие у прокурора полномочий в досудебном производстве по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. Обосновывается приоритет уголовно-процессуального режима проверки сообщений о преступлениях при возникновении спорных и неоднозначных ситуаций. Акцентируется внимание на правовых средствах реагирования прокурора на нарушения федерального законодательства в соответствующей сфере правоприменения.

Ключевые слова: повод для возбуждения уголовного дела; проверка сообщений о преступлениях; прокурорский надзор; преступление; административное правонарушение; происшествие; средства проверки; прокурор; орган дознания.

Известно, что начало уголовно-процессуальной деятельности связано с появлением повода для возбуждения уголовного дела. Исчерпывающий перечень поводов, т. е. официальных источников информации о совершенном или готовящемся преступлении, с появлением которого у определенных законом субъектов возникает обязанность по его проверке и разрешению по существу, указан в ст. 140 УПК РФ. Отметим, что данная норма во многом непротиворечива и регулярно подвергается законодательным изменениям. Так, Федеральным законом от 9 марта 2022 г. № 51-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹ в нее были внесены очередные изменения, в результате которых появился новый повод для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных статьями 198–199² УК РФ, — материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Деятельность уполномоченных должностных лиц, направленная на правовую оценку и принятие процессуального решения по поступившим в органы внутренних дел сообщениям о преступлениях, проходит в несколько этапов: 1) прием; 2) регистрация; 3) проверка и 4) разрешение сообщения по существу.

Если УПК РФ устанавливает систему поводов для возбуждения уголовного дела (ст. 140 УПК РФ), некоторые особенности их отдельных видов (ст. ст. 141, 142, 143 УПК РФ), порядок рассмотрения сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ), виды решений, принимаемых по результатам рассмотрения сообщения о преступлениях, то процедура приема и регистрации, как правило, предмет регулирования ведомственных

нормативно-правовых актов. Применительно к деятельности органов внутренних дел таковым выступает Инструкция о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, утвержденная приказом МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 (далее — Инструкция)².

Перечень участников уголовного процесса, уполномоченных принимать и проверять сообщения о преступлениях, строго определен ч. 1 ст. 144 УПК РФ: дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа. Из содержания указанной нормы с очевидностью следует, что прокурор не относится к числу субъектов, наделенных полномочиями по проверке и разрешению сообщений о преступлениях.

При этом, исходя из требований ч. 2 ст. 21 УПК РФ, прокурор, наряду со следователем, органом дознания и дознавателем, обязан принимать предусмотренные законодательством меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. Однако действующее уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает соответствующих полномочий прокурора. Функция прокурора в досудебном производстве по уголовным делам — обеспечение законности деятельности органов дознания и предварительного следствия. Уголовное преследование, состоящее в изобличении лица в совершении преступления, по смыслу закона должно осуществляться в судебных стадиях производства по уголовному делу.

Стоит сказать, что в настоящее время прокурор не обладает полномочиями по возбуждению уголов-

¹ О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 9 марта 2022 г. № 51-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Инструкция о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях : приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ного дела, непосредственной проверке сообщения о преступлении уголовно-процессуальными средствами. Осуществляя надзор за законностью в соответствии с Федеральным законом от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»³, обнаружив в чьих-либо действиях (бездействии) признаки нарушения уголовного закона, он выносит постановление о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. Данный акт прокурорского реагирования на нарушение закона выступает самостоятельным поводом для возбуждения уголовного дела.

Фактически, но, безусловно, формально деятельность субъектов по проверке сообщений о преступлениях, административных правонарушениях и иных происшествиях в органах внутренних дел начинается с получения уполномоченным субъектом письменного поручения руководителя территориального органа, имеющего форму резолюции, с указанием правового режима и срока проверки и разрешения заявления (сообщения), а также конкретного исполнителя. Чаще всего данная резолюция отражается в левом верхнем углу документа и содержит распоряжение руководителя провести проверку в порядке ст. 144 УПК РФ или принять решение по сообщению об ином происшествии. Краткое содержание резолюции заносится в графу 7 книги учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (далее — КУСП).

Выбор правового режима проверки зависит от оформления поступившей в органы внутренних дел информации. Очевидно, что если такие сведения оформлены в виде заявления *о преступлении*, явки с повинной, сообщения о совершенном или готовящемся *преступлении*, полученного из иных источников, постановления прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, материалов, направленных налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, т. е. в виде повода для возбуждения уголовного дела, то единственно верным правовым режимом проверки является уголовно-процессуальный.

Стоит сказать, что результаты анализа правоприменительной практики свидетельствуют о наличии в ней ситуаций, при которых в момент приема информации о том или ином происшествии способ регистрации (т. е. то, каким образом его регистрировать) неочевиден. При этом правильное решение этого вопроса является принципиальным для выбора правового режима производства проверки сообщения. Думается, что при возникновении сомнений приоритет должен отдаваться уголовно-процессуальному режиму проверки как способу, отличающемуся наиболь-

шим количеством правовых гарантий (например, в сравнении с административно-правовым) как для лица, потенциально пострадавшего от преступления, так и для лица, возможно, его совершившего. Деятельность соответствующих органов и их должностных лиц, являющихся участниками уголовного судопроизводства, формально отнесенных законом к стороне обвинения, наделенных компетенцией по осуществлению уголовного преследования, регулируется нормами уголовно-процессуального законодательства.

Выбор правового режима производства проверки сообщений о преступлениях и происшествиях, равно как и выбор соответствующих процессуальных средств, зависит от того, обладает ли деяние, информация о котором поступила в органы внутренних дел, признаками преступления, предусмотренными ч. 1 ст. 14 УК РФ. В связи с этим руководствоваться средствами проверки сообщения о преступлении, круг которых определен ст. 144 УПК РФ, при их отсутствии недопустимо. При наличии признаков административного правонарушения правоотношения, возникающие в связи с фиксацией и принятием соответствующего решения, регулируются нормами административного законодательства. В случае установления в сообщении о происшествии признаков гражданско-правового спора (в том числе относящегося к предмету правового регулирования семейного, трудового, гражданского законодательства) решения должны приниматься исходя из компетенции правоохранительных органов.

При проверке сообщения о преступлении уполномоченные субъекты, руководствуясь положениями ст. 144 УПК РФ, вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

В силу п. 47 Инструкции в случае установления при проверке заявления (сообщения) об административном правонарушении, о происшествии обстоятельств, указывающих на признаки преступления, исполнитель обязан незамедлительно подготовить рапорт об обнаружении признаков преступления, о чем доложить руководителю территориального органа, а также обеспечить его регистрацию в КУСП.

Если по результатам проверки по сообщению об ином происшествии, проведенной по поручению руководителя, в соответствии с п. 47 Инструкции не со-

³ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ставлен рапорт об обнаружении признаков преступления для доклада руководителю территориального органа и регистрации в КУСП, то имеет место нарушение действующего законодательства.

Считаем целесообразным обратить внимание на следующее. Поскольку согласно Инструкции деятельность, предусмотренная ст. 144 УПК РФ, начинается с разрешения руководителя территориального органа, то с организационной точки зрения уголовно-процессуальная проверка сообщения о преступлении формально не может считаться начатой в отсутствие соответствующей резолюции. Нарушение данных правил может иметь достаточно серьезные правовые последствия, в том числе признание полученных в рамках такой проверки доказательств недопустимыми. Кроме того, в действиях исполнителя, который без получения указанного разрешения руководителя территориального органа о проведении процессуальной проверки сообщения о преступлении приступил к производству процессуальных действий в рамках ст. 144 УПК РФ, в зависимости от наступивших общественно опасных последствий могут содержаться признаки превышения должностных полномочий.

В подобных условиях особую значимость приобретает прокурорский надзор за законностью проверки сообщений о преступлениях. В соответствии с требованиями приказа Генеральной прокуратуры РФ от 5 сентября 2011 г. № 277 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия» надзирающим прокурорам предписано мерами прокурорского надзора осуществлять своевременное предупреждение, выявление и устранение нарушений закона в деятельности органов дознания и предварительного следствия, защиту прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений; пресекать незаконные действия (бездействие) и решения должностных лиц названных органов, препятствующие доступу пострадавших от преступлений к уголовному судопроизводству⁴.

Одной из форм прокурорского реагирования на нарушения закона является вынесение требования об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях. Если будет установлено, что на проведение проверки руководителем не давалось поручения, прокурор предписывает продолжить проверку по сообщению в порядке административного производства и прекратить проведение необоснованной проверки в порядке ст. 144 УПК РФ. Кроме того, в отношении лица, допустившего подобные нарушения, по требованию прокурора возможно назначение и проведение служебной проверки, о результатах которой в обязательном порядке уведомляется прокурор.

Приведем пример. Прокуратурой района проведена проверка исполнения требований законодательства при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, в результате которой выявлены грубые нарушения при организации и проведении проверок, в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ. Так, в декабре 2021 г. в территориальном отделе полиции в КУСП зарегистрировано сообщение по факту того, что неустановленное лицо приобрело в магазине продукты на 400 руб., при этом расплатилось купюрой номиналом две тысячи банка приколов, в результате чего описанными действиями причинен ущерб на сумму 2000 рублей. По данному факту была проведена проверка в порядке ст. 144 УПК РФ, по результатам которой оперуполномоченным соответствующего органа дознания принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, т. е. в связи с отсутствием события преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159 УК РФ. Статьей 7.27 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за мелкое хищение чужого имущества стоимостью более 1000 рублей, но не более 2500 рублей путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты.

Прокурором было установлено, что проверка в порядке ст. 144 УПК РФ по данному факту проведена необоснованно, поскольку сумма ущерба не превышает 2500 руб., в действиях неустановленного лица содержатся признаки административного правонарушения, признаки преступления отсутствуют, поскольку за совершенное им деяние не предусмотрена уголовная ответственность. Вместе с тем производство по делам об административном правонарушении по указанному факту не возбуждено, решение в порядке КоАП РФ не принято. В ходе изучения этого материала прокурором установлено, что начальником органа дознания в соответствии с п. 41 Инструкции дана резолюция: «Принять решение по сообщению об ином происшествии». Значит, оперуполномоченный обязан был провести административное расследование в соответствии со ст. 28.7 КоАП РФ и принять решение в рамках компетенции должностного лица органа внутренних дел (полиции).

Таким образом, при определении правового режима производства проверки по поступившему в органы внутренних дел сообщению надлежит учитывать следующее:

1. Порядок регистрации полученной информации в КУСП регламентирован Инструкцией.
2. Определение правового режима проверки зависит от наличия или отсутствия в полученной информации сведений о потенциальном наличии признаков преступления. Проведение проверки сообщения о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ предусмотрено

⁴ Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия : приказ Генеральной прокуратуры РФ от 5 сентября 2011 г. № 277. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

действующим законодательством только для первого случая (т. е. при выявлении в полученной информации сведений о потенциальном *наличии* признаков преступления). Если в ходе уголовно-процессуальной проверки сообщения о преступлении признаков общественно опасного деяния, предусмотренного Особенной частью УК РФ, не установлено, принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

3. В случае принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела следует решить вопрос о наличии или отсутствии в полученной информации признаков административного правонарушения. При положительном решении этого вопроса действующее законодательство обязывает правоприменителя выполнить требования по разрешению данного сообщения, которые предполагают:

1) регистрацию в КУСП в установленном Инструкцией порядке рапорта на имя руководителя территориального органа о наличии в деянии признаков административного правонарушения;

2) поручение руководителя (в виде резолюции) конкретному исполнителю с указанием срока принятия решения;

3) производство административного расследования;

4) принятие решения в рамках компетенции по административному правонарушению.

Резюмируя изложенное, отметим, что сотрудники органов внутренних дел как субъекты правовой оценки конкретных правовых ситуаций при получении сообщений о происшествиях сталкиваются с необходимостью выбора правового режима их проверки и разрешения. Указанное неразрывно связано с предварительной квалификацией содеянного, от которой зависит разрешение данного вопроса. При возникновении неоднозначных ситуаций, в которых четко определить наличие или отсутствие признаков преступления объективно не представляется возможным, т. е. когда имеет место конкуренция правовых режимов проверки сообщений, приоритет должен иметь уголовно-процессуальный режим, поскольку, во-первых, уголовный процесс является формой реализации норм уголовного закона, которые охраняют человека, общество и государство от наиболее опасных посягательств, во-вторых, уголовно-процессуальный режим содержит большее количество гарантий обеспечения прав лиц, вовлекаемых в процедуру проверки сообщений. Кроме того, стоит отметить, что при должной организации прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью проверки поступившей информации о происшествиях задача по принятию законных, обоснованных и мотивированных решений должностными лицами органов внутренних дел и других органов дознания является выполнимой.

УДК 343.1

М. А. ДУДАРЕВА**Особенности реализации требований ст. 161 УПК РФ в досудебном производстве по уголовным делам**

В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с защитой конфиденциальных сведений участников досудебного производства по уголовным делам. Проводится анализ особенностей отображения подписки о неразглашении данных предварительного расследования. Исследуются отдельные проблемы, возникающие в ходе применения ст. 161 УПК РФ при производстве по уголовным делам. Предлагаются пути устранения недостатков законодательного регулирования соответствующих отношений.

Ключевые слова: защита прав личности; подписка о неразглашении данных предварительного расследования; участники уголовного судопроизводства.

В условиях глобальной цифровизации в Российской Федерации все больше внимания уделяется вопросам защиты основных прав человека¹, в том числе права на защиту его частной жизни. Такая тенденция не обошла стороной деятельность государственных органов и должностных лиц, осуществляющих досудебное производство по уголовным делам. Институт тайны следствия является одним из гарантов защиты рассматриваемой области отношений. Основные положения, касающиеся неразглашения данных предварительного расследования и защиты конфиденциальной информации об участниках уголовного судопроизводства, содержатся в ст. 161 УПК РФ. Согласно указанной статье соответствующие сведения без их согласия распространены быть не могут. За разглашение данных предварительного расследования причастные лица могут быть привлечены к уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ. Об этом участники уголовного процесса предупреждаются заранее, о чем отбирается соответствующая подписка.

Несмотря на законодательное закрепление указанных положений в нормах УПК РФ и УК РФ, в практической деятельности правоохранительных органов возникает немало вопросов при применении ст. 161 УПК РФ и ст. 310 УК РФ, а соответственно, должной защите личности и обеспечению конфиденциальности сведений о ней. Обозначим лишь некоторые аспекты.

Согласно ч. 3 ст. 161 УПК РФ подписку о неразглашении данных предварительного расследования может отобрать только следователь или дознаватель. На наш взгляд, помимо указанных субъектов, к их числу также относится и орган дознания, который в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 38, п. 1¹ ч. 3 ст. 41 УПК РФ может проводить следственные и иные процессуальные действия, в ходе которых становятся известны сведения, не подлежащие разглашению.

В УПК РФ нет четкого указания на участников уголовного процесса, у которых может быть отобрана подписка о неразглашении данных предварительного расследования. Речь идет лишь о лицах, чей процессуальный статус регламентирован нормами закона (ст. ст. 42, 44, 53–60 УПК РФ). Интересно отметить, что нет ни слова о такой обязанности в отношении представителей потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя, представителя гражданского ответчика. Поскольку они имеют такие же права, что и представляемые лица, то у них также может быть отобрана соответствующая подписка, что следует из сущности уголовно-процессуального представительства.

В проведении следственных действий часто участвуют лица, не имеющие определенного процессуального статуса (например, статисты, стажеры, лица, привлекаемые к опознанию, в помещении которых проводятся осмотр, выемка или обыск, и др.). Им также может стать известна информация конфиденциального характера. Считаем, что в этом случае уместна процедура отображения подписки у указанных лиц, но согласованная с участником уголовного судопроизводства, чье конституционное право, затрагивающее частную жизнь, может быть нарушено.

Интересен подход законодателя к разъяснению ст. 161 УПК РФ в отношении участников уголовного судопроизводства со стороны защиты, а именно подозреваемого, обвиняемого и защитника.

Исходя из правовой позиции Конституционного Суда РФ² и анализа положений ст. ст. 46, 47 УПК РФ, мы не можем привлечь к уголовной ответственности подозреваемого и обвиняемого по ст. 310 УК РФ, так как подписка о неразглашении данных предварительного следствия у них не отбирается. На практике подписку применяют, если имеются основания полагать, что подозреваемый или обвиняемый может рас-

¹ *Послание* Президента В. В. Путина Федеральному Собранию. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/65418>; *Выступление* В. В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-rasshirennom-zasedanii-kollegii-mvd-03-03-2021.html>; *Выступление* В. В. Путина на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65165> (дата обращения: 15.11.2021).

² *По жалобе* гражданина Пятничука Петра Ефимовича на нарушение его конституционных прав положениями ст. ст. 46, 86, и 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2004 г. № 467-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

пространять, использовать или публиковать в СМИ, в социальных сетях данные предварительного расследования, занимая определенную должность (например, является журналистом), или присутствует при проведении следственного действия в отношении других участников уголовного судопроизводства (например, при проведении обыска у потерпевшего).

Участником уголовного судопроизводства, вызывающим множественные дискуссии при рассмотрении этого вопроса, является защитник. Подписка о неразглашении данных предварительного расследования у него может быть отобрана по усмотрению следователя или дознавателя, даже учитывая тот факт, что указанное лицо представляет интересы (осуществляет защиту) подозреваемого, обвиняемого, у которого подобного ограничения нет. Обязанность дать такую подписку предусмотрена уголовно-процессуальным законом (ч. 5 ст. 49, ч. 3 ст. 53, ч. 1 ст. 61 УПК РФ). По этому поводу имеется и правовая позиция Конституционного Суда РФ, состоящая в том, что отобрание следователем, дознавателем подписки у адвоката является законным и не нарушает его прав³. Адвокат в своей работе должен руководствоваться нормами Кодекса профессиональной этики адвоката об адвокатской тайне и позицией доверителя⁴. Не оспаривая данные положения, стоит сказать о том, что при отобрании подписки у адвоката в ней необходимо четко указывать, какие именно данные предварительного следствия ему нельзя разглашать (например, местонахождение вещественных доказательств, персональные данные участников уголовного судопроизводства и др.). Сегодня в УПК РФ нет перечня таких сведений. В практической деятельности следователи, дознаватели формально отбирают подписку у участников уголовного процесса, порой манипулируя ими в своих целях⁵. В этом отношении поддерживаем позицию Ю. Ф. Лубшева, который под разглашением понимает случаи, когда полученные адвокатом сведения становятся известными хотя бы одному постороннему лицу. При этом автор считает, что адвокат может посоветоваться с коллегами, так как не относит их к посторонним, но при этом должен стремиться к сдержанности, рассказывая о проблем-

ной ситуации обезличенно [1, с. 268]. Стоит отметить, что в случае привлечения к уголовной ответственности адвоката по ст. 310 УК РФ необходимо установить, что своими действиями он причинил реальный вред расследованию или существенно нарушил права и законные интересы участников уголовного судопроизводства и других лиц.

В настоящее время подписка о неразглашении данных предварительного расследования отбирается только на этапе предварительного расследования. Согласимся с мнением ученых [2; 3], которые предлагают распространить действие подписки на все досудебное производство, учитывая тот факт, что положительный опыт такого применения уже существует в Республике Казахстан (ст. 201 УПК РК)⁶. Необходимо также отметить, что СКР разработан законопроект, которым предполагается внести изменения в ст. 310 УК РФ и ст. 161 УПК РФ, распространив действие указанных положений на все досудебное производство⁷.

В законе отсутствует указание на то, какие именно данные и на протяжении какого периода не подлежат разглашению. Важно понимать, что относится к данным предварительного расследования. Подписка о неразглашении должна иметь четкий перечень сведений, которые запрещено разглашать тому или иному участнику уголовного судопроизводства, а также должен быть определен срок, в течение которого разглашение соответствующих сведений запрещено. Нуждаются в защите персональные данные участников уголовного процесса как неотъемлемая часть сведений об их частной жизни.

Еще одна проблема, связанная с соотношением сведений о частной жизни лица и данных предварительного расследования, заключается в том, что в ряде случаев такие данные напрямую относятся к совершенному преступлению. По нашему мнению, разглашение сведений о частной жизни лица, ставших известными в связи с расследованием уголовного дела, которые хотя и напрямую связаны с инкриминируемым деянием, не допускается без согласия лица и не может быть объяснено правом общности на получение информации. В качестве актуального примера можно привести опубликованные

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кобзаря Александра Григорьевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 16 апреля 2009 г. № 559-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Подписка о неразглашении тайн следствия: инструмент против адвокатов. URL: <https://pravo.ru/story/231408/> (дата обращения: 20.10.2021) ; Как судят по статье о разглашении данных предварительного следствия. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4799960> (дата обращения: 20.10.2021) ; Уголовные дела против адвокатов вместо состязательности сторон: как работает статья 310 УК — разглашение данных предварительного следствия. URL: <https://zona.media/article/2016/31/03/codex-310> (дата обращения: 20.10.2021).

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.09.2021). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&doc_id2=31575852#pos=243;-98&pos2=3768;-44 (дата обращения: 20.10.2021).

⁷ СКР хочет ввести уголовную ответственность за разглашение данных на всех стадиях досудебного производства. URL: <https://legal.report/skr-trebuets-vesti-ugolovnuyu-otvetstvennost-za-razglashenie-dannyh-na-vseh-stadiyah-dosudebnogo-proizvodstva/> (дата обращения: 20.11.2021).

во многих СМИ видео и фотографии дома начальника УГИБДД по Ставропольскому краю. Если предположить, что этот дом действительно принадлежит А. Сафонову, могло ли лицо, производящее расследование, предавать огласке особенности его быта. В условиях стремительной информатизации общества такой вопрос видится очень актуальным⁸. На наш взгляд, необходимо искать баланс между соблюдением права на получение информации и сохранением тайны частной жизни [4].

Таким образом, в условиях действующего нормативного регулирования должностным лицам органов

предварительного расследования требуется прийти к единообразному пониманию того, у каких участников уголовного процесса и в каком объеме целесообразно отбирать подписку о неразглашении данных предварительного следствия, особенно затрагивающую сведения о частной жизни лиц.

Решение указанных в статье проблем и реализация сформулированных предложений будут способствовать защите конфиденциальных сведений участников уголовного судопроизводства и правильному применению положений ст. 161 УПК РФ и ст. 310 УК РФ органами предварительного расследования.

Список литературы

1. *Лубшев Ю. Ф.* Адвокатура в России : учебник. М., 2001.
2. *Блинова Е. В.* Обеспечение неразглашения данных досудебного производства в уголовном процессе. М., 2020.
3. *Гармаев Ю. П.* Преступное разглашение данных предварительного расследования со стороны адвокатов // Уголовный процесс. 2005. № 4.
4. *Дударева М. А.* О соотношении права СМИ на распространение общественно значимой информации и права на тайну частной жизни в уголовном процессе (по материалам решений Европейского Суда по правам человека) // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2021.

⁸ *Дело о золотых унитазах: могли глава ГИБДД Ставрополя сам заработать на дворец.* URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2610200/> (дата обращения: 01.10.2021).

УДК 343.1

Т. В. КУРЯХОВА**Особенности продления срока производства следственных и иных процессуальных действий по уголовному делу, возвращенному судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ**

В статье обращено внимание на неточность законодательного регулирования порядка продления срока предварительного следствия по уголовному делу, возвращенному из суда в порядке ст. 237 УПК РФ. Автор обосновывает предложение по корректировке части б¹ ст. 162 УПК РФ путем исключения указания о продлении срока устранения следователем нарушений закона в общем порядке и на общих основаниях. Аргументировано, что правом продления срока такого производства должен обладать прокурор, а не руководитель следственного органа, основанием продления не может выступать необходимость восполнения неполноты первоначального расследования.

Ключевые слова: возвращение уголовного дела прокурору; устранение нарушения закона; основания и порядок продления; прокурор.

Порядок исчисления и продления срока производства следственных и иных процессуальных действий по уголовному делу, возвращенному судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, разъяснен в ч. 6¹ ст. 162 УПК РФ. На устранение нарушений, препятствующих судебному разбирательству, отведен месячный срок. Срок установлен нормативно и не предполагает вынесения отдельного правоприменительного акта [1, с. 38–43]. При описании последующего порядка продления срока законодатель отсылает правоприменителя к общим правилам продления срока предварительного следствия, причем регламентирующим не только процедуру, но и основания принятия такого решения. Однако цели рассматриваемого производства существенно отличаются от целей первоначального¹ предварительного расследования. Задачи и пределы производства predeterminedены решением суда о возвращении уголовного дела. Переход к ординарному расследованию, как это происходит при возвращении уголовного дела прокурором для производства дополнительного расследования, не предполагается. Прокурор обязан в кратчайшие сроки обеспечить устранение конкретных нарушений закона, указанных в постановлении о возвращении уголовного дела, и повторно направить уголовное дело в суд. Поэтому закрепление единого с общим порядка продления срока рассматриваемого производства является серьезной ошибкой законодателя. Полагаем, данный тезис требует более подробного комментария.

В первую очередь мы проанализируем традиционный (ординарный) *порядок продления срока предварительного следствия*.

Порядок исчисления и продления срока предварительного следствия регламентирован ст. 162 УПК РФ, основанной на ст. ст. 128, 129 УПК РФ. Пред-

варительное следствие должно завершиться в срок, не превышающий 2 месяцев с момента возбуждения уголовного дела. До истечения этого срока уголовное дело с судебной перспективой должно поступить прокурору для утверждения обвинительного заключения. Если за 2 месяца закончить расследование не удалось, его срок продлевается.

Субъектом, обладающим правом продления предварительного следствия до 3 месяцев, выступает непосредственный руководитель следственного органа, до 12 месяцев — руководитель следственного органа по субъекту Российской Федерации и иные приравненные к ним руководители². Дальнейшее продление осуществляется руководителем следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти. По уголовным делам, находящимся в производстве следователей ОВД, срок расследования свыше 12 месяцев продлевается начальником Следственного департамента МВД России либо его заместителями.

При принятии решения о продлении срока предварительного следствия руководители следственного органа разных уровней (осуществляющие оперативный контроль и уполномоченные на продление срока) детально анализируют особенности дела, достаточность и эффективность действий следователя, направленных на своевременное уголовное преследование и принятие иных мер к раскрытию и расследованию преступления.

В соответствии с распоряжениями начальников следственных подразделений субъектов Российской Федерации продление срока предварительного расследования до 3 месяцев (уровень непосредственного начальника следственного отдела) допускается после обязательного представления уголовного дела

¹ Чтобы показать автономность рассматриваемого производства в данной статье, расследование по уголовному делу с момента его возбуждения до момента утверждения обвинительного заключения и направления уголовного дела в суд именуется нами «первоначальным», «ординарным» и «традиционным» расследованием.

² К иным руководителям следственного органа, приравненным к руководителям субъекта Российской Федерации, относятся, например, заместитель Управления на транспорте МВД России по Сибирскому федеральному округу, заместители Восточно-Сибирского и Забайкальского линейных управлений на транспорте — начальники следственных управлений (отделов).

в структурные подразделения Следственного управления (главного следственного управления) УМВД (ГУ МВД) субъекта Российской Федерации для согласования решения и составления заключения об обоснованности продления³.

В соответствии с ч. 7 ст. 162 УПК РФ по всем категориям уголовных дел следователь обязан представить постановление о возбуждении ходатайства о продлении срока предварительного следствия соответствующему руководителю следственного органа за 5 суток до его истечения. Вместе с тем согласно Инструкции Следственного департамента МВД России постановление о продлении срока следствия свыше 12 месяцев и материалы уголовного дела должны поступить в это структурное подразделение центрального аппарата МВД России за 20 суток до истечения срока предварительного расследования. Сотрудник, которому поручено рассмотрение ходатайства о продлении срока, дает письменное заключение о его законности и обоснованности, а также эффективности деятельности следователя. Помимо этого, до направления материалов в Следственный департамент МВД России качество предварительного расследования по уголовному делу обсуждается на оперативном совещании при руководителе следственного органа субъекта Российской Федерации⁴.

Повышенные требования предъявляются к форме и содержанию постановления о продлении срока предварительного следствия. Ведомственными нормативными актами предусмотрено, что, помимо общих сведений о движении уголовного дела, обстоятельств, по которым следствие не может быть окончено в установленный срок, и объеме предстоящей работы, требуется указать, выполнены ли процессуальные действия, для производства которых осуществлялось предыдущее продление, причины их невыполнения и принятые в связи с этим меры к следователю.

Таким образом, общий порядок продления срока досудебного производства не может быть применен по следующим причинам. Во-первых, правом продления срока первоначального предварительного следствия наделен руководитель следственного органа, а не прокурор, который выступает субъектом, обеспечивающим устранение выявленных судом препятствий. Прокурор вправе делегировать полномочия по устранению нарушений органу расследования, но обязанность их устранения суд возлагает на прокурора.

Во-вторых, чем больше срок предварительного следствия использован, тем выше уровень руководителя следственного органа, уполномоченного принять решение о его продлении. Срок производства след-

ственных и иных процессуальных действий включается в общий срок расследования, поэтому вполне реальна ситуация, при которой по окончании месяца, установленного для устранения нарушений закона, продление срока будет осуществляться начальником Следственного департамента МВД России.

В-третьих, сама по себе процедура продления срока предварительного следствия сложна в организационном плане и затратна во временном отношении. Ведомственные сроки обращения с ходатайством о продлении срока следствия свыше 12 месяцев практически идентичны сроку, отведенному для устранения препятствий к рассмотрению уголовного дела судом. В таком случае, например, если срок первоначального расследования уголовного дела составил 12 месяцев, то следователь обязан начать процедуру продления сразу после поступления к нему уголовного дела от прокурора.

Далее рассмотрим общие основания продления срока предварительного следствия и определимся, вызывают ли обстоятельства, объясняющие необходимость продления процедуры ординарного следствия, потребность продления срока особого производства по устранению нарушений закона.

Уголовно-процессуальное законодательство не называет конкретные обстоятельства, формирующие основания для первого продления срока предварительного расследования (до 3 месяцев). Общепринято, что основаниями продления являются обстоятельства, которые не позволяют закончить производство по делу за 2 месяца [2, с. 21]. В первую очередь к таким обстоятельствам следует отнести необходимость завершить доказывание по уголовному делу.

Правила уголовно-процессуального познания обязывают следователя в каждом случае при расследовании преступления установить (доказать) место, время, способ совершения преступления; лиц, его совершивших, степень их виновности; обстоятельства, характеризующие личность обвиняемых; характер и размер вреда, причиненного преступлением, и другие аспекты, перечень которых определен в ст. 73 УПК РФ. Поэтому, если значимые для дела факты не установлены, производство по уголовному делу необходимо продлить.

Кроме того, срок следствия продлевается для ознакомления обвиняемого, защитника, потерпевшего и иных заинтересованных лиц с материалами уголовного досье, обеспечения прав таких лиц на справедливое судебное разбирательство (разрешение ходатайств о дополнении следствия, разъяснение

³ См., например, п. 1.6.2 распоряжения заместителя начальника УМВД России по Омской области от 23 января 2020 г. № Р-250.

⁴ Об утверждении Инструкции по организации процессуального и ведомственного контроля при возбуждении ходатайств о продлении сроков предварительного следствия, содержания обвиняемых под стражей, домашнего ареста и запрета определенных действий по уголовным делам, находящимся в производстве следователей органов внутренних дел Российской Федерации: приказ Следственного департамента МВД России от 29 июля 2020 г. № 27 (пп. 2.3, 2.4.7). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

формы судебного разбирательства и др.). Дополнительный срок может быть запрошен следователем для составления обвинительного заключения.

Продление срока предварительного следствия свыше 3 месяцев законодатель связывает с особой (правовой либо фактической) сложностью расследования преступлений. Продление свыше 12 месяцев возможно в исключительных случаях. Данные, подтверждающие особую сложность расследования и исключительность обстоятельств, в силу которых возникла необходимость продления процессуальных сроков, должны найти отражение в тексте постановления.

Итак, во-первых, законодатель связывает продление срока предварительного расследования с необходимостью завершить доказывание по уголовному делу, ознакомить участников процесса с результатами производства, создать условия для справедливого судебного разбирательства.

Во-вторых, для продления срока свыше 3 месяцев должны быть обстоятельства, подтверждающие особую сложность уголовного дела либо исключительность вызванной расследованием уголовного дела ситуации. В случае возбуждения ходатайства о продлении срока следствия по уголовному делу, не представляющему особой сложности, в обязательном порядке в отношении следователя проводится служебная проверка и применяются меры дисциплинарного взыскания⁵.

Исследование полномочий суда по устранению нарушений закона, допущенных при расследовании уголовного дела, сущности, значения решения суда о возвращении уголовного дела прокурору, деятельности прокурора и органа преследования по устранению нарушений закона позволяет говорить о непригодности общего порядка продления сроков производства, следующего за передачей прокурором уголовного дела следователю.

Несмотря на то что побывавшее в суде дело возвращается от прокурора следователю, дополнительное расследование по нему не предполагается. Данная особенность института возвращения уголовного дела прокурору находит отражение в многочисленных решениях Конституционного Суда Российской Федерации⁶. Возвращая дело в досудебное производство, суд преследует конкретную цель — нейтрализовать обстоятельства, которые не позволяют рассмотреть уголовное дело по существу. Неполнота приведенного расследования таким обстоятельством не является.

Как следует из названия ст. 237 УПК РФ, уголовное дело возвращается прокурору. Прокурор выступает субъектом, обеспечивающим устранение пре-

пятствия к отправлению правосудия. Суд напрямую с органом расследования не взаимодействует. Воля суда доводится до следователя прокурором в виде указаний, обязательных для исполнения. За прокурором сохраняются властно-распорядительные полномочия, приобретенные им до первоначального направления дела в суд на этапе утверждения обвинительного заключения. На данном этапе указания прокурора являются для следователя обязательными. Поэтому прокурор, которому суд вернул уголовное дело, а не руководитель следственного органа контролирует исполнение поручений суда, а значит, именно прокурор должен регулировать срок устранения нарушений. Предметом ведомственного процессуального контроля выступает выполнение следователем поручения прокурора об исполнении указаний суда.

При формулировании оснований продления срока производства следственных и иных процессуальных действий нужно исходить из локальности задач данного производства — устранение нарушений, ознакомление заинтересованных лиц с новыми (дополнительными) материалами, разрешение ходатайств, не связанных с продолжением установления обстоятельств преступления.

Если следователь придет к заключению, что возможно отыскать очевидцев, опровергнуть версию, выдвинутую обвиняемым в суде, устранить противоречия в показаниях соучастников, т. е. продолжить процесс доказывания, то, в отличие от первоначального расследования, он не вправе этого делать и, значит, не должен обосновывать этим потребность продления срока досудебного производства. После выполнения указаний суда уголовное дело должно поступить прокурору для последующего направления в суд. Стороне обвинения необходимо принять меры к устранению пробелов расследования в судебном следствии.

Таким образом, законодателю необходимо предусмотреть иной порядок продления срока указанного производства. В обобщенном виде порядок исчисления и продления срока может быть следующим:

а) после принятия следователем возвращенного из суда дела начинается нормативно установленный ч. 6¹ ст. 162 УПК РФ срок;

б) вопрос о продлении срока дополнительного производства решает прокурор, которому суд вернул уголовное дело; соблюдение ведомственных сроков направления ходатайства излишне;

в) основаниями продления срока данного производства выступают обстоятельства, препятствующие выполнению указаний прокурора, реализующих волю

⁵ Там же.

⁶ См., напр.: *По делу* о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *По делу* о проверке конституционности положений части первой статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гр-на Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

суда в части устранения преград к рассмотрению уголовного дела; последующему ознакомлению с новыми (дополнительными) материалами; выполнению иных процессуальных действий, связанных с завершением производства и передачей уголовного дела в суд.

До внесения соответствующих изменений в уголовно-процессуальный закон порядок продле-

ния срока производства следственных и иных процессуальных действий по устранению нарушений закона, препятствующих рассмотрению и разрешению уголовного дела судом, возможно обеспечить разъяснением этих вопросов Генеральным прокурором РФ и руководителями следственных органов субъектов Российской Федерации.

Список литературы

1. Кальницкий В. В., Куряхова Т. В. Установление срока для производства следственных и иных процессуальных действий по возвращенному судом уголовному делу // Совершенствование уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействия преступности : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2021.

2. Ефремова Н. П. Исчисление и продление сроков предварительного расследования : учеб.-практ. пособие. Омск, 2016.

УДК 343.1

Э. Ф. ЛУГИНЕЦ

Применение видео-конференц-связи на досудебных стадиях уголовного процесса: плюсы и минусы

Статья посвящена процессу цифровизации досудебного производства по уголовному делу, а именно возможности применения систем видео-конференц-связи при проведении следственных действий: допроса, очной ставки, опознания.

Ключевые слова: цифровизация уголовного судопроизводства; видео-конференц-связь; допрос; очная ставка; опознание; следователь.

О влиянии информатизации на уголовное судопроизводство России сегодня говорить очень своевременно. Подтверждают это темы проводимых в последние годы конференций: «Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации» (Академия управления МВД России, май 2021 г.); «Цифровизация уголовного процесса: реалии и перспективы» (Карагандинская академия МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова, июнь 2021 г.); «Противодействие преступности в условиях информационной глобализации: уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминологические аспекты» (Казанский юридический институт МВД России, март 2022 г.) и др. [1].

Рассуждения на данные темы всегда носили больше теоретический характер (электронное уголовное дело, возможности внедрения искусственного разума в уголовный процесс, электронное правосудие и т. п.), поскольку ранее следователям о применении подобных технологий можно было только мечтать.

Но прогресс не стоит на месте, информатизация все больше захватывает и досудебное производство по уголовным делам. Так, с 10 января 2022 г. появилась возможность проводить некоторые следственные действия с использованием систем видео-конференц-связи (далее по тексту — системы ВКС). В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации появилась новая статья 189¹ «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи»*. Данная статья состоит из восьми частей, описывающих порядок проведения и процессуального оформления указанных следственных действий. Однако содержание самой статьи, а также ее юридическая конструкция вызывают ряд вопросов: кто может проводить данные следственные действия; какие технические возможности и кем должны быть обеспечены для проведения следственных действий; как разграничиваются функции следователя, инициировавшего проведение следственного действия и следователя, действующего по поручению; является ли «подписка» неотъемлемой частью протокола следственного действия; что

считать местом проведения следственного действия: место нахождения следователя (дознавателя)—инициатора или место нахождения следователя (дознавателя)—исполнителя поручения; какой из следователей (дознавателей) должен знакомить участвующих лиц с протоколом следственных действий (оглашать протокол) и др. В связи с этим нужно изучить предоставленные органу предварительного расследования возможности и выявить положительные и отрицательные стороны этих новшеств.

Следует отметить, что в судах система ВКС повсеместно используется уже более десяти лет. Она позволяет обеспечивать права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, предоставляя им возможность лично участвовать в судебных заседаниях, даже если приехать в суд, рассматривающий конкретное уголовное дело, по каким-либо причинам затруднительно (ст. ст. 240, 278¹, 399 УПК РФ). В соответствии со ст. 278¹ УПК РФ «Особенности допроса свидетеля путем использования систем видео-конференц-связи» суд, рассматривая уголовное дело, в случае невозможности участия свидетеля в данном процессе непосредственно может инициировать проведение допроса в суде по месту нахождения свидетеля. Суд при этом поручает организовать проведение допроса суду по месту нахождения свидетеля, используя систему ВКС. Перед началом допроса судья суда по месту нахождения свидетеля удостоверяется в его личности и оформляет подписку о разъяснении ему прав, обязанностей и ответственности как участника уголовного процесса (по ст. 56 УПК РФ). После этого допрос проводит судья, рассматривающий уголовное дело, используя систему ВКС, по общим правилам в соответствии со ст. 278 УПК РФ. Затем суд по месту нахождения свидетеля пересылает в суд, рассматривающий уголовное дело, подписку свидетеля и документы (если они были предоставлены суду во время допроса). В некоторых случаях возможно участие осужденного в судебных заседаниях с использованием систем ВКС.

Условия пандемии наглядно продемонстрировали, насколько данная цифровая технология актуальна

* О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и перспективна, а порой просто необходима в определенных ситуациях при производстве уголовного судопроизводства.

В связи с вышеизложенным распространение возможности использования систем ВКС в досудебном производстве является, безусловно, насущной необходимостью.

В соответствии со ст. 189¹ УПК РФ следователь (дознатель), в производстве которого находится уголовное дело, имеет право провести такие следственные действия, как допрос, очная ставка, опознание, с использованием систем ВКС, имеющихся в органах, осуществляющих предварительное расследование по уголовному делу. При этом не совсем понятно, что значит «наличие технической возможности» у данных органов. Должны ли быть оборудованы специальные помещения, оснащенные соответствующим оборудованием для проведения ВКС, или достаточно, чтобы у следователя был компьютер, оборудованный веб-камерой и микрофоном с выходом в Интернет?

Следователь (дознатель), в производстве которого находится уголовное дело, направляет следователю (дознателю), в орган дознания в место проведения планируемого допроса, очной ставки или опознания письменное поручение об организации участия данного лица в следственном действии.

По нашему мнению, конструкция второй части ст. 189¹ УПК РФ не совсем логична и вызывает ряд вопросов. Каким образом следователь, дающий поручение об организации одного из указанных следственных действий, выбирает следователя, дознавателя или орган дознания, которые будут выполнять его поручения? Было бы правильнее, если бы следователь, в производстве которого находится уголовное дело, поручение об организации допроса, очной ставки или опознания с использованием систем ВКС направлял руководителю следственного органа, органа дознания, чтобы соответствующий руководитель передал выполнение данного поручения конкретному исполнителю — своему подчиненному сотруднику. И результаты выполненного поручения (подписка, прилагаемые к протоколу допроса документы) также логичнее направлять не от имени исполнителя, а от имени руководителя, который бы, осуществляя ведомственный контроль за своим подчиненным, должен был убедиться, что поручение выполнено правильно, в соответствии с законом и в установленные сроки. Заостряя внимание на сроках выполнения рассматриваемого поручения, заметим, что в ст. 189¹ УПК РФ о них ничего не говорится. Данный пробел может привести к тому, что выполнение поручения будет затягиваться, откладываться либо оно вообще не будет исполняться, поскольку у следователя (дознателя) много своих дел. И при этом никакой ответственности исполнителя за это не предусмотрено. Это может привести не только к затягиванию сроков предварительного расследования, сроков применения мер пресечения и иных мер процессуального принуж-

дения, но и к нарушению принципа разумного срока уголовного судопроизводства. Было бы правильнее сформулировать вторую часть ст. 189¹ УПК РФ следующим образом:

«2. В случае необходимости проведения следственных действий путем использования систем видео-конференц-связи следователь (дознатель), в производстве которого находится уголовное дело, направляет в орган предварительного расследования или в орган дознания по месту нахождения лица, с участием которого необходимо провести планируемое следственное действие, письменное поручение об организации следственного действия с участием данного лица. Руководитель данного органа поручает выполнение полученного поручения конкретному сотруднику, который должен его выполнить незамедлительно по согласованию со следователем (дознателем) — инициатором, и контролирует его выполнение».

Протоколы следственных действий, проведенных с использованием систем ВКС, составляются по общим правилам написания протоколов соответствующих следственных действий (ст. 160 «Протокол следственного действия», ст. 189 «Общие правила проведения допроса», ст. 190 «Протокол допроса», ст. 192 «Очная ставка», ст. 193 «Предъявление для опознания» УПК РФ). Отличием является то, что в протоколе следственного действия указываются дата, время и место производства дважды (как по месту нахождения следователя (дознателя)—инициатора, так и по месту нахождения лица, с участием которого необходимо провести следственное действие); также с участников следственного действия берется так называемая подпись. Она содержит записи о разъяснении прав, обязанностей, ответственности, порядка производства следственных действий участникам следственных действий, находящимся вместе со следователем — исполнителем поручения; об ознакомления их с протоколом следственного действия путем оглашения его следователем (ч. 3 ст. 189¹ УПК РФ).

При проведении следственных действий с использованием систем ВКС следователь (дознатель) обязан применять видеозапись. При этом не ясно, где должна осуществляться видеозапись: по месту нахождения следователя (дознателя)—инициатора, или по месту нахождения следователя (дознателя)—исполнителя, или одновременно в двух местах. Материалы видеозаписи приобщаются к протоколу (в каком виде, также не указано). Достаточно ли просто поместить в конверт переписанную на носитель информации запись проведенного следственного действия либо необходимо провести осмотр полученной видеозаписи, оформить ее протоколом осмотра и приобщить полученную запись в качестве вещественного доказательства по уголовному делу?

Препятствием для производства следственных действий с использованием систем ВКС является воз-

возможность разглашения государственной или иной охраняемой законом тайны, а также данных об участниках уголовного судопроизводства, к которым применены меры государственной безопасности.

Таким образом, внедрение систем ВКС в досудебное производство по уголовным делам оправданно

и необходимо, но их введение в повсеместную работу правоприменителей в настоящее время затруднительно, поскольку требуется наработать единообразную правоприменительную практику и разрешить те проблемные вопросы, которые были подняты в данной статье.

Список литературы

1. *Лугинец Э. Ф.* Влияние процесса цифровизации на уголовное судопроизводство России // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. «62-е криминалистические чтения» (Москва, 21 мая 2021 г.) / под ред. Ю. В. Гаврилина, Ю. В. Шпагиной. М., 2021.

Производство следственных действий при помощи средств видео-конференц-связи в ходе предварительного расследования: вопросы теории и практики

В статье анализируется новелла уголовно-процессуального законодательства (ст. 189¹ УПК РФ), предусматривающая производство следственных действий при помощи средств видео-конференц-связи в ходе досудебного производства. Рассматриваются проблемные вопросы применения данной нормы в практической деятельности органов предварительного расследования, и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: досудебное производство; видео-конференц-связь; следователь; дознаватель; видеотехнологии; дистанционные следственные действия.

В теории уголовного процесса на протяжении длительного периода активно обсуждаются законодательные меры, направленные на использование средств видео-конференц-связи при осуществлении досудебного производства [1, с. 10; 2, с. 92].

Это связано с тем, что законодатель предусмотрел в УПК РФ возможность производства ряда следственных действий при помощи средств видео-конференц-связи только в ходе судебного разбирательства, оставив вне поля зрения досудебное производство.

Впервые законодатель обратил на это внимание в 2018 г. при подготовке законопроекта, согласно которому было предложено дополнить УПК РФ статьей 189¹, предусматривающей производство допроса свидетеля с использованием систем видео-конференц-связи в ходе предварительного расследования¹. Однако указанный проект закона был отправлен на доработку по причине того, что предложенные изменения предусматривали возможность производства допроса с использованием видео-конференц-связи только свидетеля, исключая других участников уголовного судопроизводства.

Многие ученые-процессуалисты с воодушевлением отнеслись к возможности внедрения в уголовно-процессуальное законодательство производства отдельных следственных действий путем видео-конференц-связи в ходе предварительного расследования. Так, О. В. Мичурина отмечает, что активное использование средств видео-конференц-связи в досудебном производстве значительно сократит сроки расследования уголовного дела [3, с. 161].

С. М. Кузнецова считает, что возможность осуществления допроса при помощи средств видеотехнологий в ходе предварительного расследования — это первый шаг к нивелированию ситуации, связанной с невозможностью производства следственного действия из-за пандемии [4, с. 18].

Однако не все авторы положительно восприняли идею закрепления в УПК РФ производства допроса при помощи средств видео-конференц-связи в ходе предварительного расследования. Л. В. Головки подчеркивает, что пандемию и действия непреодолимой

силы предусмотреть в УПК РФ весьма затруднительно. По мнению профессора, закрепление дистанционных следственных действий в отечественном законодательстве только затруднит их производство и потребует дополнительных сил органов предварительного расследования и технических ресурсов. Автор отмечает, что для производства необходимых следственных действий на расстоянии следователи (дознатели) наделены правом давать органу дознания поручение, которое в разы эффективнее при должном его исполнении [5, с. 32].

Сходного мнения придерживается Е. А. Артамонова, указывающая, что в УПК РФ достаточно альтернативных мер, направленных на своевременное досудебное производство, а введение видео-конференц-связи послужит очередным барьером в производстве следственных действий [6, с. 8].

Невзирая на противоречивые суждения ученых по рассматриваемому вопросу, 30 декабря 2021 г. Федеральным законом № 501-ФЗ в УПК РФ была внесена ст. 189¹, предусматривающая процессуальный порядок производства не только допроса, но и очной ставки, а также предъявления для опознания с помощью систем видео-конференц-связи в ходе предварительного расследования.

Несмотря на положительный замысел введения указанной нормы, новелла вызвала ряд проблем, с которыми неминуемо столкнется правоприменитель в лице органов предварительного расследования. Назовем некоторые из них.

Первая проблема. Законодатель не обозначил конкретные основания производства следственных действий при помощи видеотехнологий. Так, в ч. 1 ст. 189¹ УПК РФ указано, что следователь или дознаватель вправе провести допрос, очную ставку, опознание при помощи средств видео-конференц-связи. Согласно букве закона решение о производстве перечисленных следственных действий в данном режиме отдается на откуп следователю или дознавателю. Исходя из изложенного, не ясно, когда участники уголовного судопроизводства могут заявить ходатайство о производстве указанных следствен-

¹ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/434998-7> (дата обращения: 03.04.2022).

ных действий с их участием посредством видео-конференц-связи.

Полагаем необходимым детальное закрепление в УПК РФ случаев производства следственных действий при помощи видео-конференц-связи в ходе предварительного расследования, что послужит гарантом обеспечения участникам уголовного судопроизводства права на своевременное досудебное производство. Особенно это актуально при невозможности прибытия лица в орган предварительного расследования по состоянию здоровья, в связи с действием непреодолимой силы или по другим уважительным причинам.

Вторая проблема. Согласно ч. 1 ст. 189¹ УПК РФ при производстве допроса, очной ставки и опознания следователь (дознатель) вправе использовать систему видео-конференц-связи государственных органов, осуществляющих предварительное расследование. Однако из положений данной нормы следует строгий запрет на использование современных программ видеоконференций (например, TrueConf, Zoom, Skype, GoogleMeet и др.), позволяющих организовывать качественные видеоконференции, так как указанные программы не состоят на обеспечении органов предварительного расследования. Следственный департамент МВД России подчеркивает необходимость производства следственных действий следователями ОВД РФ при помощи видео-конференц-связи исключительно по внутриведомственному программному обеспечению ИСОД МВД России².

Указанное обстоятельство показывает, что производство следственных действий с использованием средств видео-конференц-связи возможно только в случае прибытия участников уголовного судопроизводства непосредственно в территориальные органы, осуществляющие предварительное расследование, где есть такое программное обеспечение, однако это не так. Прямого запрета на производство следственного действия при помощи средств видео-конференц-связи в любой организации или учреждении в УПК РФ не установлено. Исходя из этого полагаем, что применение видео-конференц-связи, например, при допросе потерпевшего, находящегося в больнице в другом населенном пункте, возможно, но с условием надлежащего обеспечения следователя (дознателя) специальным техническим средством. Под специальным техническим средством следователя (дознателя) следует понимать компьютер (ноутбук), оснащенный государственным программным обеспечением, позволяющим провести видео-конференц-связь за пределами дислокации органа предварительного расследования.

В иных случаях следственные действия при помощи средств видео-конференц-связи за пределами органа предварительного расследования, на наш взгляд, производить запрещено, так как это противоречит правилу, установленному в ч. 1 ст. 189¹ УПК РФ, а так-

же может повлечь разглашение данных предварительного расследования.

Третья проблема связана с необходимостью видеофиксации хода результатов следственного действия, проводимого с использованием средств видео-конференц-связи.

Так, исходя из положений ч. 4 ст. 189¹ УПК РФ, применение видеозаписи при производстве допроса, очной ставки или опознания обязательно. Материалы такой видеозаписи должны приобщаться к протоколу произведенного следственного действия.

А если следователь (дознатель) при помощи программы, которую он использует для производства допроса, организует внутреннюю запись видеоконференции, на которой видно всех участников уголовного судопроизводства, нужно ли ему дополнительно производить видеозапись хода следственных действий? Полагаем, что в данном случае в этом нет необходимости. Однако стоит подчеркнуть, что в случае производства очной ставки и опознания при помощи видео-конференц-связи осуществление видеозаписи хода следственного действия обязательно. Это обусловлено в первую очередь необходимостью устранения сомнений в нарушении процессуального порядка производства очной ставки и опознания и признания произведенного следственного действия в качестве допустимого доказательства.

Именно поэтому считаем, что законодатель поторопился с решением о возможности производства очной ставки и опознания при помощи средств видео-конференц-связи. Перечисленные следственные действия в обычных условиях являются достаточно трудоемкими, требующими больших затрат сил и средств органов предварительного расследования, а в условиях видео-конференц-связи их производство станет более сложным процессом. В связи с этим, по нашему мнению, производство очной ставки и опознания с использованием средств видео-конференц-связи необходимо свести к минимуму, особенно в случаях, когда в следственном действии участвует подозреваемый или обвиняемый.

Четвертой проблемой, на наш взгляд, является упущение законодателя относительно возможности производства допроса, очной ставки, опознания при помощи средств видео-конференц-связи «засекреченных» участников уголовного судопроизводства, например, лица, в отношении которого заключено досудебное соглашение о сотрудничестве с возможностью изменения внешности и голоса в целях исключения их узнавания.

Нередко в практической деятельности органов предварительного расследования приходится прибегать к засекречиванию и сохранению в тайне данных свидетеля или потерпевшего для обеспечения их безопасности в порядке, установленном ч. 9 ст. 166 УПК РФ.

В большинстве случаев без указанных мер участники уголовного судопроизводства отказываются

² Информационное письмо Следственного департамента МВД России «Алгоритм обеспечения и проведения следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи». М., 2022.

давать показания, так как опасаются за свою жизнь и здоровье. Данный пробел исключает возможность производства следственных действий при помощи средств видео-конференц-связи в отношении лиц, к которым применены меры безопасности, так как существует угроза раскрытия их личности, что прямым образом указано в ч. 8 ст. 189¹ УПК РФ.

В связи с изложенным полагаем необходимым дополнить ст. 189¹ УПК РФ частью 8¹ следующего содержания: «В целях обеспечения безопасности по ходатайству участников уголовного судопроизводства следственные действия при помощи систем видео-конференц-связи производятся с изменением их внешности и голоса».

Немаловажным вопросом выступает возможность предъявления обвинения и дальнейшего допроса обвиняемого при помощи систем видео-конференц-связи.

Если обратиться к правилам, закрепленным в ст. 189¹ УПК РФ, можно удостовериться, что перечень субъектов, в отношении которых может проводиться подобный допрос, законом не ограничен.

Однако, если детально проанализировать ст. 173 УПК РФ, регламентирующую процедуру производства допроса обвиняемого, то можно заметить, что в ч. 3 прямо закреплено, что производство рассматриваемого следственного действия осуществляется в по-

рядке, установленном ст. 189 УПК РФ, т. е. по общим правилам проведения допроса. Допроса обвиняемого при помощи видео-конференц-связи законодатель в анализируемой норме закона не предусмотрел.

Аргументом в пользу того, что недопустимо производить допрос обвиняемого при помощи средств видеотехнологий, является указание в ч. 1 ст. 173 УПК РФ на необходимость производства немедленного допроса после предъявления обвинения, а процедура предъявления обвинения при помощи средств видео-конференц-связи также не предусмотрена. В связи с этим полагаем, что невозможность производства допроса обвиняемого при помощи средств виде-конференц-связи является существенным упущением со стороны законодателя, которое в дальнейшем необходимо устранить.

Подводя итог, отметим, что, безусловно, закрепление в отечественном законодательстве возможности производства следственных действий при помощи видео-конференц-связи должно положительным образом сказаться на соблюдении разумного срока досудебного производства [7]. Однако данная норма с учетом выявленных в рамках проведенного исследования проблем нуждается в дальнейшем совершенствовании, в том числе и в вопросах, связанных с обеспечением органов предварительного расследования современными техническими средствами.

Список литературы

1. *Архипова Е. А.* Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран (сравнительно-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
2. *Поликарпов Б. А.* Видеоконференцсвязь как современный способ преодоления противодействия уголовному преследованию // Уголовная юстиция. 2014. № 1.
3. *Мичурина О. В.* Дистанционный допрос с использованием систем видеоконференцсвязи в процедуре досудебного производства по уголовным делам: реальность и перспективы // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития : сб. мат-лов всерос. науч-практ. конф. М., 2020.
4. *Кузнецова С. М.* Использование систем видеоконференцсвязи в досудебном производстве как мера противодействия распространению коронавирусной инфекции // Вестник ДВЮИ МВД России. 2020. № 4.
5. *Головки Л. В.* Пандемию нельзя предусмотреть в какой-то главе УПК // Уголовный процесс. 2021. № 2.
6. *Артамонова Е. А.* Размышления о производстве видеодопроса в ходе предварительного расследования // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 3.
7. *Нуриев И. Н.-о.* К вопросу о средствах обеспечения реализации разумного срока предварительного расследования // Вопросы российского и международного права. 2016. № 5.

УДК 343.1

Е. С. ТКАЧЁВА**Ограничение права на неприкосновенность жилища в уголовном судопроизводстве**

Статья посвящена порядку ограничения конституционного права на неприкосновенность жилища в уголовном судопроизводстве, механизму судебного контроля за деятельностью органов предварительного расследования, связанной с его ограничением.

Ключевые слова: неприкосновенность жилища; следственные действия в жилище; судебный контроль; осмотр; обыск; выемка.

Неприкосновенность жилища относится к числу принципов как международного (ст. 12 Всеобщей декларации прав человека, ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод), так и отечественного права (ст. 25 Конституции РФ, ст. 12 УПК РФ, ст. 3 ЖК РФ, ст. 15 ФЗ «О полиции»).

Право на неприкосновенность жилища в уголовном судопроизводстве понимается как осуществление частной жизни лиц в закрытой от общества обстановке, комфорт и личная безопасность в сфере, где лицо свободно и по своему усмотрению определяет образ жизни, взаимоотношения в семье, отношения с другими людьми (внутренняя составляющая), а также выполняемая данным правом охранительная функция, заключающаяся в том, что оно позволяет юридически ограждать личность от незаконного и необоснованного вторжения в жилище государственных органов, должностных лиц, осуществляющих производство по делу (внешняя составляющая) [1, с. 8]. Неприкосновенность данного права в уголовно-процессуальном законодательстве гарантируется особым порядком производства следственных действий, сопряженных с его ограничением, — только при наличии для этого определенных условий и оснований.

Статья 12 УПК РФ закрепляет, что осмотр жилища производится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения, за исключением случаев, предусмотренных ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Обыск и выемка в жилище могут производиться на основании судебного решения, за исключением случаев, предусмотренных ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

Для надлежащего обеспечения права на неприкосновенность жилища важным является понимание самого термина «жилище». Согласно п. 10 ст. 5 УПК РФ жилище — индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания.

Конституционный Суд РФ сформулировал правовую позицию, согласно которой ст. 25 Конституции РФ не исключает гарантии неприкосновенности в отношении хозяйственных построек, находящихся на территории индивидуального домовладения, но условием отнесения нежилых помещений и строений, не входящих в жилой фонд, к жилищу является факт их использования для временного проживания¹.

Исходя из законодательно установленного содержания понятия «жилище», закрепленного в УПК РФ, а также позиции Конституционного Суда РФ, главным при его определении в уголовно-процессуальном законодательстве является признак использования помещения или строения для проживания.

Раскрывая содержание принципа неприкосновенности жилища, закон связывает его только с тремя следственными действиями (осмотр, обыск, выемка).

Процессуальный порядок проведения осмотра дифференцирован законодателем в зависимости от наличия согласия проживающих в помещении лиц, а при его отсутствии — судебного решения (п. 4 ст. 29, ч. 1 ст. 12, ч. 5 ст. 177 УПК РФ). Обыск и выемка в жилище производятся только на основании судебного решения (п. 5 ст. 29, ч. 3 ст. 182 УПК РФ).

Устанавливая правило получения согласия проживающих в жилище лиц, уголовно-процессуальный закон в то же время не содержит нормативных предписаний, касающихся порядка его получения. Из соответствующих норм прямо не следует, от кого именно нужно получать данное согласие (от всех ли проживающих лиц), кого считать проживающим в жилище лицом и др.

Исследуя данный вопрос, А. В. Павлов и И. П. Пилюшин пришли к следующим выводам. На производство осмотра места происшествия в жилище необходимо получать согласие у всех проживающих лиц, которые находятся в момент производства следственного действия в жилище. При этом получение согласия проживающих, но отсутствующих на момент осмотра в жилище лиц зависит от конкретной ситуации. При наличии сомнений в достаточности согласия проживающего лица нужно проводить следственное действие по судебному реше-

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Котовой Светланы Евгеньевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 10 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 12 мая 2005 г. № 166-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нию или на основании постановления следователя в случаях, не терпящих отлагательства. Кроме того, согласие лиц на производство осмотра места происшествия в жилище требуется получать перед началом следственного действия, отражать его во вводной части протокола осмотра места происшествия и удостоверить подписями лиц, проживающих в осматриваемом жилище, либо закреплять согласие в отдельном документе — заявлении [2]. Сходные позиции разделяют многие авторы [3; 4, с. 8], с которыми в целом следует согласиться.

Производство таких следственных действий, как следственный эксперимент, проверка показаний на месте, допрос и др., также не исключается в жилище. Однако каких-либо особенностей процессуальной формы для таких ситуаций УПК РФ не предусмотрено. Так, не установлено, требуется ли согласие проживающих лиц либо судебное решение.

Конституционным Судом РФ отмечается, что ст. 194 УПК РФ не содержит дозволения проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц при проверке на месте показаний, ранее данных подозреваемым или обвиняемым, а также потерпевшим или свидетелем².

В научной литературе высказываются позиции о необходимости закрепления в УПК РФ требования о получении судебного решения на проведение всех следственных действий в жилище при отсутствии согласия проживающих в нем лиц [1, с. 9; 5; 6]. Предлагаемый авторами порядок представляется нам во многом оправданным, прежде всего потому, что направлен на охрану анализируемого права, установление дополнительных гарантий его обеспечения.

Однако закрепление новых процедур производства следственных действий либо детализация существующих не решат всех возникающих проблем. Предлагаем, выходя из сложившейся ситуации является кардинальное изменение подхода к порядку ограничения конституционных прав в досудебном производстве. В самом общем виде его можно описать следующим образом: судом должно санкционироваться не производство определенного следственного действия, а ограничение права.

В пользу предлагаемого нами механизма свидетельствует, например, то, что Конституция РФ и нормы международного законодательства исходят из необходимости обеспечения и защиты самого права на неприкосновенность жилища, устанавливая запрет на проникновение в жилище, не называя при этом способов его ограничения (применительно к уголовному судопроизводству — конкретные следственные действия) и соответствующих им гарантий. По этой причине в основе порядка ограничения права на неприкосновенность жилища должен находиться не вид следственного действия, а определенное конституционное право, подлежащее ограничению.

Такой подход позволит, во-первых, избежать необоснованного усложнения процессуальной формы (в том числе путем детализации порядка проведения отдельных процессуальных действий); во-вторых, сохранить у должностных лиц органов предварительного расследования дискреционные полномочия по направлению хода расследования, выбору способов получения доказательств в условиях постоянно меняющейся обстановки, противодействия их законной деятельности.

Предложенная нами модель применима для производства осмотра в жилище, а также других следственных действий, за исключением обыска и выемки при отсутствии согласия проживающих в нем лиц.

Общие правила порядка получения судебного разрешения на производство следственного действия регламентируются ст. 165 УПК РФ.

В случаях, предусмотренных пп. 4, 5 ч. 2 ст. 29 УПК РФ (осмотр жилища, обыск, выемка в жилище), следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора возбуждают перед судом ходатайство о производстве следственного действия, о чем выносят постановление (ч. 1 ст. 165 УПК РФ).

Рассмотрение ходатайства должностных лиц органов предварительного расследования производится в судебном заседании единолично судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня по месту производства предварительного расследования либо производства следственного действия не позднее 24 часов с момента его поступления. В судебном заседании вправе участвовать прокурор, следователь, дознаватель (чч. 2, 3 ст. 165 УПК РФ).

В исключительных случаях, когда производство осмотра жилища, обыска и выемки в жилище не терпит отлагательства, указанные следственные действия могут быть произведены на основании постановления следователя или дознавателя без получения судебного решения. В этом случае следователь (дознаватель) не позднее 3 суток с момента начала производства следственного действия обязан уведомить судью и прокурора о его производстве. К уведомлению прилагаются копии постановления о производстве следственного действия и протокола следственного действия для проверки законности решения о его производстве, а судья, получив указанное уведомление, в течение 24 часов проверяет законность произведенного следственного действия и выносит постановление о его законности или незаконности (ч. 5 ст. 165 УПК РФ).

Из приведенных норм закона следует, что законодатель предусматривает две формы судебного контроля за производством следственных действий, сопряженных с ограничением права на неприкосновенность жилища: предварительный и последующий.

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Киятова Николая Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 194 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 6 июля 2010 г. № 911-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

По общему правилу, разрешение на производство следственного действия дается судом на основании представленных органом предварительного расследования материалов (предварительный), и в исключительных случаях, не терпящих отлагательства, данное решение принимается самостоятельно следователем (дознавателем) с последующей проверкой судом законности произведенного следственного действия (последующий).

Отметим, что при направлении соответствующего ходатайства следователем (дознавателем) в суд в общем порядке оно подлежит согласованию с руководителем следственного органа (прокурором), а при производстве следственного действия в случаях, не терпящих отлагательства, данное решение принимается самостоятельно следователем (дознавателем). Можно предположить, что отсутствие требования о соответствующем «согласовании» при производстве следственного действия в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ связывается с наличием «безотлагательности производства» (возникновение реальной угрозы уничтожения или сокрытия предметов или орудий преступления и др.), когда необходимо действовать неотложно и незамедлительно, как правило, непосредственно на месте производства следственного действия.

Закономерно возникает вопрос о целесообразности данной процедуры в первом случае, если итоговое решение об ограничении конституционного права принимается судом. Безусловно, данный вопрос требует глубокой теоретической проработки в рамках отдельной статьи, однако позволим себе акцентировать внимание на следующем. Осмотр, обыск и выемка как способы получения доказательств направлены на установление, закрепление и изъятие следов, орудий совершения преступления и иных предметов, имеющих значение для уголовного дела, что само по себе требует «безотлагательности производства». При этом усложненная процедура получения разрешения на их производство в общем порядке (с вовлечением субъектов ведомственного процессуального контроля и прокурорского надзора) может привести к утрате доказательств.

Кроме того, порядок осуществления предварительного и последующего судебного контроля отличается по процессуальной форме проведения судебного заседания.

В условиях фрагментарной правовой регламентации Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что, по общему правилу, ходатайства о производстве следственных действий рассматриваются в открытом судебном заседании; судья по поступившему в суд

ходатайству о производстве следственного действия принимает необходимые меры, направленные на своевременное извещение следователя или дознавателя и прокурора³.

В свою очередь, Конституционный Суд РФ отметил, что закрепленная в ст. 165 УПК РФ процедура судебного рассмотрения ходатайства прокурора, следователя или дознавателя с согласия прокурора о производстве следственного действия, ограничивающего конституционные права и свободы участников уголовного судопроизводства, связана с решением промежуточных для уголовного процесса задач. Разрешение судом вопросов, связанных с проведением в стадии предварительного расследования следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, еще не является судебным разбирательством по существу уголовного дела, поэтому требования открытости, гласности и состязательности сторон в этом производстве могут быть реализованы не в полной мере⁴.

Презюмируется, что судебное заседание по рассмотрению вопроса о производстве следственных действий является гласным (открытым), однако в целях обеспечения конфиденциальности их проведения, учитывая интересы предварительного расследования, законодатель допускает некоторые ограничения гласности судебного заседания — отсутствие лиц, чьи права ограничиваются. Такая позиция во многом оправдана и в целом поддерживается научным сообществом [3].

В противном случае, как отмечено в решении Конституционного Суда РФ, следственные и иные процессуальные действия, достижение позитивных результатов которых в значительной степени обусловлено их внезапным и конфиденциальным характером, при уведомлении о предстоящем их проведении заинтересованных лиц могли бы утратить всякий смысл⁵. Сохранение в тайне данных предварительного расследования процессуально оправданно и не требует, на наш взгляд, дополнительной аргументации.

По-другому обстоит дело при рассмотрении ходатайства следователя (дознавателя) в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Здесь лица, чье право на неприкосновенность жилища было ограничено, могут принимать участие в судебном заседании, проводимом в целях проверки законности произведенного следственного действия. Кроме того, они вправе обжаловать судебное решение в порядке ст. 125 УПК РФ.

Конституционным Судом РФ отмечено, что чч. 3 и 5 ст. 165 УПК РФ по их конституционно-правовому смыслу не предоставляют суду возможности отказать в удовлетворении ходатайства лица, в отноше-

³ О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Власова Валерия Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 115 и 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 25 марта 2004 г. № 124-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Там же.

нии которого проводился обыск, и его защитника об участии в судебном заседании по проверке законности проведенного обыска и не освобождают суд от обязанности направить им копию судебного решения для обеспечения права на его обжалование. Данные законоположения не устанавливают преюдициальную силу судебного решения о признании проведенного обыска законным и не препятствуют проверке допустимости полученных в ходе обыска доказательств и законности действий сотрудников правоохранительных органов в предусмотренных законом процедурах⁶.

В сложившейся ситуации В. А. Яблоков обоснованно отмечал, что формы судебного контроля (предварительный и последующий) отличаются друг от друга присутствием одной или обеих спорящих сторон, т. е. состязательным или лишенным состязательности характером судопроизводства [7, с. 97].

Разные механизмы осуществления судебного контроля за производством следственных действий порождают споры об их эффективности. По мнению С. Б. Россинского, посредством предварительного судебного контроля на практике создаются дополнительные правовые преграды для быстрого и эффективного производства на первоначальном этапе расследования, а сложность получения предварительного судебного решения на производство следственных действий порождает тенденцию к злоупотреблению правом на осуществление таких действий в условиях безотлагательности. Кроме того, автор указывает на то, что установленный законом порядок получения предварительного судебного решения на производство следственного действия в жилище не соответствует современному представлению о состязательных механизмах реализации судебной власти, а осуществляемый при отсутствии состязательности предварительный судебный контроль за осмотром, обыском или выемкой — это очень малоэффективная и весьма сомнительная гарантия обеспечения права на неприкосновенность жилища. В связи с этим он предлагает заменить предварительный судебный контроль последующим [8].

Профессор В. В. Кальницкий считает, что судья — лишнее звено в механизме принятия решения

о производстве следственного действия, отмечая при этом, что в таком судебном заседании, как правило, нет сторон и судья действует как административное лицо, без какой-либо процедуры рассмотрения вопроса, что практически приравнивает судью к прокурору [9, с. 58–64]. С приведенными позициями названных ученых трудно не согласиться.

Обратим внимание на то, что нормы международного права содержат лишь наиболее общие и концептуальные положения, сама процедура реализации данного права не прописывается, тем самым ее регламентация остается на усмотрение национального законодателя.

В одном из своих решений Европейский суд по правам человека отметил, что государство обладает определенной сферой усмотрения при решении вопроса о вмешательстве в неприкосновенность жилища и что ст. 8 Конвенции не требует предварительного судебного разрешения на проведение обысков на дому и изъятий⁷.

Конституция РФ также не содержит императивного требования о получении предварительного судебного разрешения на проведение следственных действий, сопряженных с ограничением конституционного права на неприкосновенность жилища.

При решении данного вопроса законодатель отдает предпочтение именно суду, тем самым закрепляя более сложную процедуру получения разрешения на производство следственных действий, которые по своей природе должны быть внезапными и своевременными, а также конфиденциальными.

Безусловно, закон должен предусматривать гарантии против злоупотреблений при ограничении неприкосновенности жилища, но в качестве таковых может выступать не только предварительный судебный контроль, но и право лица на обжалование в суд решения, уже принятого органами предварительного расследования.

Указанное позволяет сделать вывод, что действующий УПК РФ нуждается в совершенствовании в части регламентации процедуры ограничения конституционного права на неприкосновенность жилища, определения полномочий суда по осуществлению предварительного судебного контроля.

Список литературы

1. Шептунова Х. П. Право личности на неприкосновенность жилища в уголовном судопроизводстве: отечественный опыт и международные стандарты : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Оренбург, 2008.
2. Павлов А. В., Пилюшин И. П. Получение согласия проживающих лиц на осмотр места происшествия в жилище // Русский следователь. 2021. № 3.

⁶ По жалобам граждан Арбузовой Елены Николаевны, Баланчуковой Александры Васильевны и других на нарушение их конституционных прав частями третьей и пятой статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2008 г. № 1076-О-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ *Функе против Франции (Funke v. France)* : постановление Европейского суда по правам человека от 25 февраля 1993 г. (жалоба № 10828/84). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». См. также: *Смирнов (Smirnov) против Российской Федерации* : постановление Европейского суда по правам человека от 7 июня 2007 г. (жалоба № 71362/01). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *Гриненко А. В.* Судебное решение о производстве следственных действий в порядке статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: теоретические и правоприменительные аспекты // *Мировой судья*. 2017. № 12.
4. *Янкин А. Н.* Реализация принципа неприкосновенности жилища при производстве следственных действий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
5. *Новиков В. А.* Неприкосновенность жилища: конституционные, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные гарантии. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. *Галдин М. В.* Ограничение конституционного права на неприкосновенность жилища при производстве следственных действий. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ogranichenie-konstitutsionnogo-prava-na-neprikosnovennost-zhilischa-pri-proizvodstve-sledstvennyh-deystviy> (дата обращения: 25.03.2022).
7. *Яблоков В. А.* Реализация судебной власти на досудебных стадиях уголовного процесса России : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2001.
8. *Росинский С. Б.* Нужен ли предварительный судебный контроль за производством следственных действий в жилище? (часть 1, 2). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. *Кальницкий В. В.* «Санкционирование» и проверка судом законности следственных действий в ходе досудебного производства неэффективны // *Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства : избранные труды*. Омск, 2016.

Пределы уголовной ответственности лица, выданного Российской Федерации

По общему правилу, лицо, выданное иностранным государством, не может быть привлечено в качестве обвиняемого за преступление, не указанное в запросе о выдаче. В условиях продолжающегося доказывания фактические обстоятельства и их уголовно-правовая оценка могут измениться. На основе анализа международного законодательства сделан вывод, что при изменении фактических обстоятельств и правовой оценки дополнительное согласие государства, выдавшего лицо, требуется не всегда.

Ключевые слова: выдача лица для уголовного преследования; пределы производства по уголовному делу; запрос о выдаче лица.

Одной из целей международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства является обеспечение неотвратимости наказания, предполагающей обязанность лица предстать перед судом своего государства и понести справедливое наказание за совершенное преступление. Для достижения этой цели предусмотрена процедура выдачи лица иностранным государством для уголовного преследования.

В соответствии с ч. 1 ст. 460 УПК РФ наша страна может направить иностранному государству запрос о выдаче ей лица для уголовного преследования на основании наличия международного договора между Российской Федерацией и этим государством или письменного обязательства Генерального прокурора РФ выдавать этому государству лиц в будущем на основе принципа взаимности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Направление запроса о выдаче лица для уголовного преследования возможно при соблюдении следующих условий: 1) в соответствии с законодательством обеих стран деяние, в связи с которым направлен запрос о выдаче, является уголовно наказуемым; 2) за его совершение предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года или более тяжкое наказание; 3) отсутствуют основания отказа в выдаче лица.

Кроме того, важным требованием является соблюдение так называемого «правила конкретности», суть которого в национальном уголовно-процессуальном законодательстве сводится к тому, что выданное лицо не может быть задержано, привлечено в качестве обвиняемого за преступление, не указанное в запросе о выдаче (ч. 1 ст. 461 УПК РФ). Норма сформулирована на основе международного законодательства и дословно повторяет положения ч. 1 ст. 66 Конвенции «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным

делам»¹; ч. 1 ст. 14 Европейской Конвенции о выдаче (далее по тексту — Конвенция)².

Вместе с тем выдачей лица его уголовное преследование не заканчивается, уголовно-процессуальное доказывание может быть продолжено. Вполне закономерны ситуации, связанные с изменением уголовно-правовой оценки расследуемого преступления, установлением новых эпизодов преступной деятельности выданного лица, изменением описания фактических обстоятельств совершенного преступления. Возникает вопрос, во всех ли случаях, связанных с изменением первоначального объема обвинения, необходимо получать новое согласие государства, выдавшего лицо для привлечения к уголовной ответственности.

Пленумом Верховного Суда РФ по этому вопросу даны следующие разъяснения. Если в ходе расследования были установлены или изменены квалифицирующие признаки преступления, в связи с совершением которого лицо было выдано Российской Федерации, то дополнительное согласие необходимо получить в том случае, когда названные признаки свидетельствуют о совершении лицом до его выдачи другого преступления. Указанное согласие также требуется, если вследствие изменения квалификации деяния, в связи с совершением которого было лицо выдано, ухудшается его положение (пункт 29)³.

Комментируя правовую позицию высшего судебного органа, судья Верховного Суда РФ (в отставке) В. В. Микрюков отмечает, что «переквалификация ухудшает положение лица, если в результате такой переквалификации увеличивается размер или изменяется вид наказания такого лица, например вследствие переквалификации возникает угроза применения к лицу наказания в виде смертной казни. Необходимость получения дополнительного согласия запрашиваемого государства при рассматриваемой переквалификации вызывается тем обстоятельством, что в случае, если бы первоначальная квалификация дея-

¹ О ратификации Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам : федеральный закон от 4 августа 1994 г. № 16-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О ратификации Европейской конвенции о выдаче, Дополнительного протокола и Второго дополнительного протокола к ней : федеральный закон от 25 октября 1999 г. № 190-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ния выданного лица соответствовала последующей, лицо могло быть и не выдано» [1]. Следует отметить, что наличие возможности применения к лицу наказания в виде смертной казни обозначено в Конвенции как основание отказать в выдаче лица для уголовного преследования (статья 11).

В то же время не дается разъяснений по тем ситуациям, когда новая правовая оценка преступления улучшает положение выданного лица. Требуется такое изменение дополнительного согласия или нет? Не ясно также, как быть в случаях фактического увеличения или уменьшения объема обвинения при неизменности правовой оценки.

В науке уголовного процесса нормативные положения ч. 1 ст. 461 УПК РФ толкуются строже, чем в разъяснениях Верховного Суда РФ. Так, М. А. Михеенкова указывает, что в случае выдачи лицо пользуется иммунитетом от уголовного преследования по любым другим основаниям и за любые другие совершенные им до момента выдачи деяния, кроме указанных в запросе о выдаче. При этом автор включает в понятие «преступления, для преследования за которое лицо выдано» не только правовую квалификацию, но и фактические обстоятельства, приведенные в запросе. По ее мнению, как при выявлении сведений об иных преступлениях, так и при переквалификации изначально вменявшегося лицу деяния на более тяжкое необходимо запрашивать дополнительное согласие выдавшего государства на осуществление уголовного преследования в отношении него в этой части [2, с. 1270–1271].

Б. Т. Безлепкина называет нормативные положения ч. 1 ст. 461 УПК РФ *принципом недопустимости поворота к худшему*, в силу которого обвинение, содержащееся в запросе, без согласия выдавшего государства не может быть ни в чем изменено в отягчающую сторону. При необходимости такого изменения должны быть приняты процессуальные меры к получению согласия государства, выдавшего обвиняемого (повторный запрос) [3]. Сходная позиция и у Т. Н. Москальковой, отмечающей, что следственные и судебные органы государства, запросившего выдачу лица, связаны формулой обвинения, послужившей основанием выдачи этого лица [4, с. 1120].

В результате мы видим, что «правило конкретности» в его отечественной научной интерпретации абсолютизируется настолько, что не допускается любая корректировка того обвинения, которое указывалось в запросе о выдаче лица для уголовного преследования. Согласиться с таким подходом сложно.

Дело в том, что «правило конкретности» (ч. 1 ст. 460 УПК РФ) не получило полного нормативного отражения в отечественном уголовно-процес-

суальном законодательстве. Так, в международных документах общее положение дополнено п. 4 ст. 14 Европейской конвенции о выдаче (в редакции Четвертого дополнительного протокола к Европейской конвенции о выдаче⁴), согласно которому в тех ситуациях, когда *описание преступления, в совершении которого предъявлено обвинение, изменяется в ходе уголовного судопроизводства, в отношении выданного лица возбуждается уголовное преследование или ему выносится приговор лишь постольку, поскольку преступление в соответствии со своим новым описанием является по своим элементам преступлением, позволяющим осуществить выдачу*.

Несмотря на то что при ратификации Четвертого дополнительного протокола к Европейской конвенции о выдаче оговорок в интересующей части принято не было, представленное положение Конвенции не включено в УПК РФ. Однако согласно Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, а если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотрены законом, то применяются правила международного договора (часть 4, статья 15). Вместе с тем в одном из своих решений Конституционный Суд РФ положение, сформулированное в п. 4 ст. 14 Европейской конвенции о выдаче, называет одним из исключений из общего правила, указанного в пункте 1 той же статьи (в УПК РФ — ч. 1 ст. 461)⁵.

Интересно отметить, что это положение встречается в международных договорах между другими государствами. Например, согласно ст. 15 Договора между Республикой Казахстан и Исламской Республикой Иран о выдаче от 29 апреля 2012 г. лицо, выданное согласно Договору, не может быть задержано, обвинено в запрашивающей договаривающейся стороне, за исключением случаев преступления, по которому выдача удовлетворена, или *по преступлению с другим наименованием, основанному на тех же фактах, по которым выдача была удовлетворена* [5, с. 823–824].

Системное толкование нормативных положений (как международного, так и национального законодательства) позволяет, на наш взгляд, сделать вывод о допустимости изменения того обвинения, в связи с которым производилась выдача лица. В качестве дополнительного аргумента, подтверждающего такой вывод, можно привести отсутствие единого международного уголовного (материального) законодательства. У каждого государства оно уникально, что подтверждается примером, описанным в одном из решений Конституционного Суда РФ.

⁴ Подписан от имени Российской Федерации 24 февраля 2015 г. и ратифицирован Федеральным законом от 7 марта 2017 г. № 23-ФЗ «О ратификации Четвертого дополнительного протокола к Европейской конвенции о выдаче».

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Аксютинной А. Г. на нарушение ее конституционных прав ч. 1 ст. 401¹⁵ УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 6 июня 2017 г. № 1166-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Гражданин Л. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 131 УК РФ, и был объявлен в международный розыск, после чего задержан во Французской Республике. Запрос Российской Федерации об экстрадиции был удовлетворен, и Л. выдан для привлечения к уголовной ответственности «за деяния, квалифицируемые как насилие с преднамеренным изнасилованием, либо действия особой жестокости по отношению к жертве». Согласно французскому законодательству изнасилование (ст. 131 УК РФ) и насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ) квалифицируются по одной и той же норме закона («любой акт сексуального проникновения какого-либо рода, совершенный в отношении другого лица путем насилия, принуждения, угрозы или обмана, является изнасилованием»). В дальнейшем органами предварительного следствия обстоятельства содеянного Л. были уточнены, обвинение изменено на более тяжкое, а именно на обвинение в совершении преступления, предусмотренного пунктом «б» ч. 2 ст. 132 УК РФ. Несмотря на то что описание фактических обстоятельств, указанных в запросе о выдаче, осталось прежним, суд надзорной инстанции действия гражданина Л. пере-квалифицировал по ч. 1 ст. 131 УК РФ (в соответствии с запросом о выдаче)⁶.

С таким решением суда надзорной инстанции сложно согласиться. При оценке законности выдачи лица нашей страной другому государству Верховный Суд РФ обращает внимание на то, что несовпадение в описании отдельных признаков состава преступления, в совершении которого обвиняется лицо, либо в юридической квалификации деяния не является основанием отказа в выдаче, поскольку оцениваться должны фактические обстоятельства имевшего место деяния и его наказуемость по закону обоих государств (пункт 5)⁷. Представляется, что в отношении граждан, выданных нашей стране для уголовного преследования, указанные разъяснения также применимы.

Следует отметить, что, проверяя законность выдачи Российской Федерацией компетентным органам Грузии гражданина Мансырова, Верховный Суд РФ принял противоположное решение⁸.

Органами уголовного преследования Грузии в отношении Мансырова было выдвинуто обвинение в умышленном убийстве своей жены, совершенном на территории Грузии при отягчающих обстоятельствах. В запросе о выдаче действия Мансырова квалифицированы по п. 5 ст. 104 УК Грузии (убийство женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности). В ходе согласования выдачи гражданина Мансырова компетентные органы Грузии уведомили Российскую Федерацию о том, что в запросе допущена техническая ошибка в квалификации действий Ман-

сырова: вместо п. 5 ст. 104 УК Грузии в постановлении должен был быть п. 6 ст. 104, предусматривающий ответственность за умышленное убийство, совершенное с особой жестокостью, однако новый запрос о выдаче в адрес Российской Федерации не направлялся.

По постановлению заместителя Генерального прокурора РФ гражданин Мансыров выдан правоохранительным органам Грузии для привлечения к уголовной ответственности за убийство при отягчающих обстоятельствах. В постановлении указано, что действия Мансырова являются уголовно наказуемыми по российскому законодательству и соответствуют ст. 105 УК РФ, санкция которой предусматривает лишение свободы на срок свыше одного года.

Ярославский областной суд указанное постановление признал незаконным, однако по представлению заместителя Генерального прокурора РФ решение отменено Президиумом Верховного Суда РФ, который указал: (1) оснований, препятствующих выдаче для уголовного преследования гражданина Мансырова Грузии, не установлено; (2) в требовании о выдаче отражены обстоятельства совершенного преступления: «Мансыров, находясь в состоянии опьянения, на почве личных неприязненных отношений стал избивать свою жену и дочь, нанося удары поленом, а затем лопатой. От полученных телесных повреждений Мансырова скончалась»; (3) действия Мансырова являются уголовно наказуемыми и по российскому, и по грузинскому законодательству с возможностью назначения наказания в виде лишения свободы на срок от 6 до 15 лет; (4) в постановлении о выдаче могут быть не указаны все квалифицирующие признаки преступления, так как ни УПК РФ, ни международные договоры РФ по вопросам выдачи не регламентируют форму документа о выдаче и требования, предъявляемые к данному документу; (5) сама по себе техническая ошибка, допущенная при составлении постановления о привлечении Мансырова в качестве обвиняемого (квалификация его действий по п. 6 ст. 104 вместо п. 5 ст. 104 УК Грузии) и запроса о выдаче, не может рассматриваться в качестве основания для признания незаконным и необоснованным решения о выдаче, так как Российская Федерация в соответствии с запросом запрашивающей стороны выдала гражданина Мансырова Грузии для уголовного преследования за убийство при отягчающих обстоятельствах; (6) *вопрос о квалификации данного преступления по тому или иному пункту, предусматривающему квалифицирующий признак этого преступления, находится в исключительной компетенции запрашивающей стороны.*

Выделенный нами довод судебного органа, на наш взгляд, показывает определяющее значение «правила

⁶ Там же.

⁷ О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. № 11.

⁸ Постановление Президиума Верховного Суда РФ по делу Мансырова от 25 апреля 2007 г. № 155П07ПР. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

конкретности» в его международно-правовом понимании. В совокупности с требованиями, предъявляемыми к запросу о выдаче лица, «правило конкретности» нацелено исключительно на достижение как можно более точной осведомленности запрашиваемого государства о деянии в целях принятия решения о самой возможности выдачи лица, его совершившего. Если говорить иначе, то ст. 14 Европейской конвенции о выдаче закрепляет «правило конкретности», собственно, самого запроса, что подтверждается и ее расположением (после требований к просьбе о выдаче и сопроводительным документам (ст. ст. 12–13), а не как некий принцип международного взаимодействия в рассматриваемой сфере).

На наш взгляд, необходимый уровень конкретности необходим для установления, в частности: уголовной наказуемости деяния (возможность назначения наказания в виде лишения свободы сроком более одного года (ст. 2 Конвенции)); характера преступления (политическое, воинское, экономическое или другое (ст. ст. 3–5 Конвенции)); участия в преступлении лица, являющегося гражданином запрашиваемого государства (ст. 6 Конвенции); возможности самостоятельного начала уголовного преследования по преступлению, указанному в запросе (ст. ст. 7, 8 Конвенции); наличия окончательного решения в отношении лица по тому преступлению, по поводу которого запрашивается выдача (принцип *non bis in idem* (ст. 9 Конвенции)); возможности применения к лицу запрашивающей стороной наказания в виде смертной казни (ст. 11 Конвенции). В выяснении указанных обстоятельств заключается гарантийный характер «правила конкретности», имеющего в своей основе уважение к суверенитету договаривающихся государств¹⁰.

Сложно согласиться с авторами, сравнивающими «правило конкретности» с «принципом недопустимости (допустимости) поворота к худшему», который регламентируется преимущественно как условие пересмотра судебных решений, вступивших в законную силу (см., напр.: п. 3 ст. 26 Модельного уголовно-процессуального кодекса для государств-участников СНГ; п. 2 ст. 373 Уголовно-процессуального кодекса Федеративной Республики Германия, ст. 401⁶ УПК РФ)¹¹.

При этом формулирование итогового обвинительного тезиса (описание фактических обстоятельств и их правовая оценка) в отношении лица, выданного иностранным государством, находится в исключительной компетенции Российской Федерации, ограниченной только основаниями самой выдачи. Иначе между правом государства на наказание конкретного лица, совершившего преступление, и потерпевшим от этого преступления встраивается третья сторона в лице другого государства.

Для участников уголовного судопроизводства защитный потенциал положений, определяющих пределы уголовной ответственности выданного лица (например, ч. 1 ст. 461 УПК РФ), заключается в доведении до запрашиваемого к выдаче лица сведений об индивидуально-определенных фактических обстоятельствах или событиях, за которые будет осуществляться уголовное преследование и которые приведенными обстоятельствами будут ограничены.

Запрос о выдаче не является и не может являться окончательным решением о привлечении лица к уголовной ответственности, так как лицо запрашивается к выдаче для начала или продолжения уголовного преследования.

В связи с этим изменение обвинения, сформулированного в просьбе о выдаче, допускается, на наш взгляд, и в форме корректировки фактических обстоятельств преступного события (например, выявление новых преступных деяний, являющихся частью расследуемого продолжаемого или длящегося преступления; установление ранее неизвестных потерпевших или новых предметов преступного посягательства), и в форме изменения правовой оценки преступного события (например, случаи наличия идеальной совокупности преступлений; установление соучастников преступления, повлекшее необходимость вменить иные квалифицирующие признаки). При этом такие изменения допустимы как в случае улучшения положения выданного лица, так и в случае его ухудшения, но в границах тех оснований, которые предусмотрены международным и отечественным законодательством для выдачи лица в целях уголовного преследования. Если государство, выдавшее лицо для уголовного преследования, или выданное лицо не согласны с принятым решением, то у них есть возможность обратиться в Европейский комитет по проблемам преступности совета Европы, который информируется о применении Конвенции (ст. 8).

В тех случаях, когда в ходе уголовного преследования выданного лица выявлены новые преступные события, безусловно, должно быть дополнительно запрошено согласие иностранного государства, выдавшего лицо, так как оно имеет суверенное право оценить основания выдачи по отношению к новым индивидуально-определенным фактическим обстоятельствам. При этом оценка того, является ли установленное преступное событие *другим* (в соответствии с терминологией Верховного Суд РФ), должна осуществляться не в соответствии с его юридической квалификацией, а по фактическим обстоятельствам (время, место, направленность умысла и т. д.).

В завершение отметим, что установление в ходе уголовного преследования выданного лица новых

¹⁰ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Соколова И. В. на нарушение его конституционных прав статьями 31 и 461 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 28 сентября 2017 г. № 2155-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/External/ComparativeOverview/Documents/23/Поворот%20к%20худшему%202005.pdf> (дата обращения: 30.10.2021).

(других) преступных событий, с учетом положений ст. 14 Европейской конвенции о выдаче, позволяет запрашивающей стороне провести предварительное расследование по вновь выявленным фактам, исключая применение мер, ограничивающих личную свободу выданного лица (подпункт «а» пункта 2). Указанное

положение международного договора не позволяет органам предварительного расследования и суду обосновывать задержание и избрание (продление срока) меры пресечения в отношении выданного лица фактически обстоятельствами нового преступного события до получения согласия иностранного государства.

Список литературы

1. *Микрюков В. В.* Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В. М. Лебедев, рук. авт. кол. В. А. Давыдов. М., 2014.
2. *Курс уголовного процесса* / под ред. проф. Л. В. Головки. М., 2017.
3. *Безлепкин Б. Т.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М., 2021.
4. *Москалькова Т. Н.* Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева ; науч. ред. В. П. Божьев. М., 2008.
5. *Когамов М. Ч.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан. Т. 2. Особенная часть. Алматы, 2020.

УДК 343.1

Л. А. ПУПЫШЕВА, А. О. БЕКЕТОВ

Право потерпевшего на участие в судебном заседании при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора: проблемы реализации

На основе действующего законодательства, доктринальных положений и складывающейся правоприменительной практики в статье исследованы актуальные проблемы реализации потерпевшим права на участие в судебном заседании по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора.

Ключевые слова: исполнение приговора; потерпевший; представитель потерпевшего; суд; судебное заседание; условно-досрочное освобождение от отбывания наказания; замена наказания более мягким видом.

Конституция Российской Федерации, провозглашая обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина на основе равенства всех перед законом и судом, гарантирует потерпевшим от преступлений охрану их прав законом, обеспечение доступа к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

Названные конституционные предписания предполагают «обязанность государства как предотвращать и пресекать в установленном законом порядке какие бы то ни было посягательства, способные причинить вред и нравственные страдания личности, так и обеспечивать пострадавшему от преступления возможность отстаивать, прежде всего в суде, свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами, поскольку иное означало бы умаление чести и достоинства личности не только лицом, совершившим противоправные действия, но и самим государством»¹.

Законодатель стремится обеспечить защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, тем самым реализовать назначение уголовного судопроизводства на всех этапах уголовного процесса, в связи с чем систематически прибегает к корректировке действующего уголовно-процессуального законодательства. В связи с этим не ослабевает интерес к правовому положению потерпевшего в уголовном судопроизводстве (на различных этапах производства по уголовному делу и других видах уголовно-процессуальных производств) и в научном сообществе [1–8].

Особенно ярко проблемы правового статуса потерпевшего в уголовном процессе высвечиваются в особом уголовно-процессуальном производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, постановления, определения суда, регламентированном главой 47 УПК РФ.

В соответствии с пунктами 4.2, 4.4, 6.1 и 6.5 Рекомендаций Комитета Министров Совета Европы от 14 июня 2006 г. Rec (2006) 8 «Об оказании помощи потерпевшим от преступлений» «учреждения уголовной юстиции должны, исходя из потребностей потерпевшего, гарантировать ему доступность информации, необходимой в целях защиты его интересов и реализации прав на различных этапах уголовного судопроизводства, а государство — гарантировать предоставление такой информации служащими уголовной юстиции, ответственными за принятие соответствующих решений; потерпевший в свою очередь должен иметь возможность указать, что он не хочет получать такую информацию». Кроме того, согласно положениям пунктов 10.2–10.5 «в целях защиты потерпевших, в отношении которых могут иметь место запугивание, оказание давления либо повторные случаи виктимизации, предупреждение которых должно стать обязательным элементом стратегии оказания помощи потерпевшим и предотвращения преступлений, необходимо принятие мер, гарантирующих их извещение об освобождении преследуемого или приговоренного лица; при этом потерпевший имеет право отказаться от получения такой информации, за исключением случаев, когда она сообщается в обязательном порядке в соответствии с условиями уголовного судопроизводства». Следуя приведенным рекомендациям, российский законодатель закрепил в уголовно-процессуальном законе норму, наделившую потерпевшего правом участвовать в судебных заседаниях при рассмотрении вопросов об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания и о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания².

Указанные положения введены в УПК РФ, как следует из пояснительной записки, в том числе в целях «усиления процессуальной роли потерпевше-

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Еременко Тамары Александровны и Кривцова Евгения Валерьевича на нарушение их конституционных прав частью четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 11 октября 2016 г. № 2164-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Соответствующие изменения были внесены в УПК РФ Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 221-ФЗ «О внесении изменений в статью 83 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (Рос. газета. 2013. 25 июля).

го в решении вопросов, связанных с исполнением приговора, что позволит потерпевшему максимально эффективно отстаивать свои интересы в процессе»³.

Вместе с тем корреспондирующая данному праву потерпевших обязанность суда по их уведомлению, ставшая впоследствии предметом оценки Конституционного Суда Российской Федерации⁴, на первоначальных этапах реализации в ряде случаев препятствовала своевременному разрешению судом данного вопроса по существу. Липецкий областной суд в Бюллетене судебной коллегии по уголовным делам за 3 квартал 2015 г. отмечал, что суды «неоднократно откладывали судебные заседания по причине непоступления в суд сведений о надлежащем извещении потерпевших, что влекло за собой увеличение сроков рассмотрения ходатайства»⁵.

Конституционный Суд Российской Федерации счел ч. 2¹ ст. 399 УПК РФ неконституционной в той мере, в какой она предполагает «в качестве условия рассмотрения судом ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания обязательность подтверждения получения потерпевшим, его законным представителем и (или) представителем извещения, уведомляющего о дате, времени и месте предстоящего судебного заседания, в силу неопределенности механизма такого уведомления»⁶.

В целях приведения положений УПК РФ в соответствие с высказанной Конституционным Судом Российской Федерации правовой позицией, Федеральным законом от 30 марта 2015 г. № 62-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации по вопросу участия потерпевших при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора» ст. 42 УПК РФ была дополнена частью 5¹, которая установила порядок заявления ходатайства потерпевшим о получении информации о рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора, одновременно с этим в ч. 5 ст. 313 УПК РФ внесены изменения,

корректирующие порядок вынесения судом соответствующего решения. Кроме того, расширен установленный п. 21¹ ч. 2 ст. 42 УПК РФ перечень информации об осужденном, которую вправе получать потерпевший. Внесение данных изменений, безусловно, благотворно сказалось как на механизме обеспечения прав потерпевших, так и на процессуальном порядке рассмотрения соответствующих ходатайств осужденных.

В условиях действующего нормативного регулирования суд освобожден от обязанности уведомления потерпевшего о дате, времени и месте судебного заседания по рассмотрению вопросов, указанных в пп. 4, 5 и 19 ст. 397, ст. 398 УПК РФ, при отсутствии постановления, вынесенного в порядке ч. 5 ст. 313 УПК РФ.

Правовая регламентация участия потерпевшего в производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, во многом является небесспорной, даже с учетом описанных выше новелл. В настоящее время при определении необходимости уведомления потерпевшего о дате, времени и месте судебного заседания, проводимого в порядке ст. 399 УПК РФ, судам надлежит учитывать некоторые нюансы.

Во-первых, в п. 8.2 Обзора судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 апреля 2014 г., отмечается, что «указанные положения закона фактически не имеют значения для разрешения вопроса об условно-досрочном освобождении от наказания осужденных по уголовным делам, обвинительные приговоры по которым были вынесены до вступления в силу указанного Федерального закона⁷, так как потерпевшие по таким делам не имели возможности сделать необходимое заявление»⁸. Таким образом, и по сей день при подготовке к рассмотрению вопросов, указанных в ч. 2¹ ст. 399 УПК РФ, судам необходимо истребовать информацию о потерпевших для их уведомления по приговорам, вынесенным до 11 апреля 2015 г.

³ Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 152707-6 «О внесении изменений в статью 83 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (об уточнении порядка освобождения осужденного от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда и об участии потерпевшего в судебном заседании при рассмотрении вопросов, указанных в пунктах 4 и 5 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ По делу о проверке конституционности части второй¹ статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области : постановление Конституционного Суда РФ от 18 марта 2014 г. № 5-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 3.

⁵ Бюллетень судебной коллегии по уголовным делам Липецкого областного суда за 3 квартал 2015 года. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 18 марта 2014 г. № 5-П.

⁷ В данном Обзоре Верховным Судом РФ сделана ссылка на Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ, поскольку он был утвержден 29 апреля 2014 г. Тем не менее указанные положения справедливы и для приговоров, вынесенных до вступления в силу Федерального закона от 30 марта 2015 г. № 62-ФЗ, поскольку именно этим законом установлены порядок заявления соответствующего ходатайства потерпевшего и порядок его уведомления.

⁸ Обзор судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.04.2014). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Во-вторых, в свете приведенных рекомендаций Верховного Суда РФ остается не ясным, необходимо ли уведомлять потерпевшего, если он не принимал участия в рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции, поскольку в таком случае потерпевший не мог сделать соответствующего заявления.

В-третьих, изучение правоприменительной практики и личный опыт одного из авторов статьи показывают, что сведения о потерпевших запрашиваются в судах по всем уголовным делам, в которых имеется данный участник уголовного процесса, поскольку нередко должностные лица администраций исправительных учреждений в нарушение ст. 175 УИК РФ не направляют в суды постановление, вынесенное в порядке ч. 5 ст. 313 УПК РФ, а суды, отвечая на соответствующий запрос, указывают на наличие копии названного постановления в материалах уголовного дела.

Кроме того, следует обратить внимание на перечень вопросов, связанных с исполнением приговора, при разрешении которых потерпевший вправе участвовать в судебном заседании. Представляется, что его «очерчивание» невозможно без определения правового положения и роли потерпевшего в подобных уголовно-процессуальных производствах.

Как обозначалось выше, фигура потерпевшего введена в производство по делам об исполнении приговора в целях усиления его процессуальной роли, а также в связи с наличием «его личной заинтересованности, связанной с необходимостью защиты личной безопасности от возможных угроз со стороны осужденного или обеспечения возмещения причиненного преступлением материального ущерба»⁹.

Реализация прав потерпевшего при рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, прямо не названных в законе, является существенным пробелом и представляет собой дополнительную организационно-правовую проблему. Очевидно, что интересы потерпевшего не ограничиваются вопросами условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом, отсрочкой исполнения приговора. Прямо или косвенно, на наш взгляд, интересы потерпевшего затрагивают вопросы, касающиеся обеспечения его личной безопасности от потенциальных угроз со стороны осужденного или обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением. Исходя из этого критерия, потерпевший должен быть наделяем правом участвовать в рассмотрении и разрешении судом следующей категории дел:

— об изменении вида исправительного учреждения, назначенного по приговору суда осужденному к лишению свободы, в соответствии со ст. ст. 78 и 140

Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (п. 3 ст. 397 УПК РФ);

— об освобождении от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора в соответствии со ст. 83 УК РФ (п. 9 ст. 397 УПК РФ);

— о разъяснении сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора (п. 15 ст. 397 УПК РФ). Однако участие потерпевшего представляется целесообразным лишь в случаях, когда разрешение указанного вопроса прямо затрагивает его интересы. Например, разрешение вопроса о вещественных доказательствах (когда разрешение данного вопроса затрагивает имущество потерпевшего); об определении размера и распределении процессуальных издержек (в частности, в случаях, указанных в пп. 1, 1¹ ч. 2 ст. 131 УПК РФ);

— о передаче гражданина иностранного государства, осужденного к лишению свободы судом Российской Федерации, для отбывания наказания в государство, гражданином которого осужденный является (п. 20 ст. 397 УПК РФ);

— о предоставлении рассрочки либо отсрочки исполнения приговора в части гражданского иска;

— о снятии ареста на имущество, наложенного при производстве по уголовному делу.

В настоящее время участие потерпевшего при разрешении указанных вопросов законом прямо не предусмотрено. Тем не менее считаем целесообразным включить приведенный перечень в ч. 2 ст. 399 УПК РФ и уведомлять потерпевшего о поступлении соответствующего ходатайства или представления, поскольку разрешение указанных вопросов по существу в той или иной степени затрагивает права и законные интересы потерпевших от преступления. Отсутствие закрепленной в законе обязанности уведомления потерпевших о назначении соответствующего ходатайства (представления) к рассмотрению, по сути, лишает потерпевшего возможности последующего оспаривания данного решения до вступления его в силу, что существенно ограничивает его право на доступ к правосудию.

Для реализации указанных прав и интересов потерпевший наделяем правом «знакомиться с представленными в суд материалами, участвовать в их рассмотрении, заявлять ходатайства и отводы, давать объяснения, представлять документы» (ч. 3 ст. 399 УПК РФ).

Системное толкование норм уголовно-процессуального закона, а также результаты эмпирического исследования дают основание констатировать, что данный перечень прав потерпевшего является усеченным и нуждается в дополнении. Так, в структуру процессуального положения потерпевшего (посредством

⁹ Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 152707-6. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

прямого нормативного указания) следует включить следующие права:

— объясняться на родном языке или языке, которым он владеет; иметь представителя; выступать в судебных прениях¹⁰;

— знакомиться с протоколом и аудиозаписью судебного заседания и подавать на них замечания;

— получать копию судебного решения;

— обжаловать состоявшееся судебное решение;

— знать о принесенных по делу жалобах и представлениях и приносить на них свои возражения;

— участвовать в судебных заседаниях в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций.

Необходимо обратить внимание, что мнение потерпевшего, высказанное в суде при разрешении ука-

занных вопросов, не является для суда определяющим. На данное обстоятельство в постановлении от 18 марта 2014 г. № 5-П указал Конституционный Суд Российской Федерации. Кроме того, такая позиция поддержана юридическим сообществом [9]. Кроме того, несмотря на обозначенное обстоятельство, потерпевший вправе отстаивать свою позицию в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанции путем подачи жалоб и своих возражений на принесенные жалобы и представления.

Полагаем, что только при наличии указанных процессуальных прав и корреспондирующей обязанности у суда по их обеспечению, потерпевший может считаться полноправным участником производства по вопросам, связанным с исполнением приговора.

Список литературы

1. Быков В. М. Правовое положение потерпевшего в стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2008. № 12.
2. Ватутина О. Ю. Использование специальных знаний для защиты прав потерпевшего в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2020. № 6.
3. Величко И. В. Понятие потерпевшего и его процессуально-правовой статус по действующему уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации // Общество и право. 2011. № 4.
4. Клоков С. Н., Ягунова Е. Е. Проблемные вопросы участия потерпевшего юридического лица и его представителя в отечественном уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2021. № 7.
5. Мельников В. Ю. Потерпевший в уголовном процессе России // Черные дыры в российском законодательстве. 2011. № 1.
6. Николук В. В. Обжалование потерпевшим постановлений суда об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания: вопросы теории и практики // Уголовная юстиция. 2015. № 1(5).
7. Николук В. В. Новеллы УПК РФ (июль – декабрь 2013 г.) о правах потерпевшего в стадии исполнения приговора как отражение конфликта законодательной и судебной властей // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2014. № 5.
8. Сумин А. А., Химичева О. В. О достаточности процессуальных прав потерпевшего в уголовном процессе // Уголовное судопроизводство. 2021. № 2.
9. Скифский И. С. Оценка процессуальных возможностей потерпевшего при рассмотрении ходатайств осужденного, отбывающего лишение свободы // Российская юстиция. 2017. № 12.

---

¹⁰ Конституционный Суд Российской Федерации обращал внимание, что «в процедуре рассмотрения поставленных осужденным вопросов на стадии исполнения приговора он не подвергается уголовному преследованию, и, следовательно, в отличие от порядка судебного разбирательства уголовного дела по существу, не проводятся прения сторон и ему не предоставляется право на последнее слово» (см. об этом: *Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Санникова Александра Николаевича на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации* : определение Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2019 г. № 3335-О). Тем не менее считаем целесообразным распространить на указанные производства «классические» этапы судебного разбирательства: подготовительную часть, судебное следствие, прения сторон, последнее слово (либо право последней реплики заявителя), внесение решения. Указанное, на наш взгляд, будет способствовать надлежащему обеспечению прав и свобод лиц, участвующих в судебном заседании, регламентированном ст. 399 УПК РФ.

УДК 343.9

А. Т. АНЕШЕВА**Особенности возбуждения уголовного дела и обстоятельств, подлежащих установлению, при нарушении правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортным средством**

Появление нового административно-преюдициального состава в Уголовном кодексе Российской Федерации требует от правоприменителя существенных усилий при определении обстоятельств, подлежащих установлению в процессе проверки сообщения о преступлении. На основе анализа уголовного, административного, уголовно-процессуального законодательства, а также научной литературы сформулированы рекомендации, направленные на оптимизацию принятия решений о возбуждении уголовного дела по ст. 264² УК РФ.

Ключевые слова: административно-преюдициальный состав преступления; нарушение правил дорожного движения; лицо, подвергнутое административному наказанию и лишенное права управления транспортным средством.

Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 458-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹ Уголовный кодекс Российской Федерации дополнен еще одним административно-преюдициальным составом преступления «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортным средством» (ст. 264² УК РФ).

Ввиду новизны данной уголовно-правовой нормы судебно-следственная практика в настоящее время проходит процесс формирования. В целях оптимизации деятельности по выявлению и расследованию преступлений рассматриваемой категории считаем целесообразным, исходя из результатов анализа действующего законодательства и складывающегося правоприменения, сформулировать отдельные положения, касающиеся процесса принятия решения о возбуждении уголовного дела и определения в этих целях обстоятельств, подлежащих установлению.

Согласно положениям ч. 2 ст. 15 УК РФ и ч. 3 ст. 150 УПК РФ общественно опасные деяния, предусмотренные ст. 264² УК РФ, относятся к преступлениям небольшой тяжести, подсудственны дознавателям органов внутренних дел. Производство предварительного следствия по таким уголовным делам, по общему правилу, необязательно. Их расследование входит в компетенцию дознавателей органов внутренних дел, а рассмотрение и разрешение по существу — судей районного суда.

Кроме того, надлежит учитывать, что субъектом преступлений, предусмотренных ст. 264², является вменяемое лицо, достигшее на момент совершения уголовно наказуемого деяния 16-летнего возраста.

В этом отношении стоит обратить внимание на разъяснения высшей судебной инстанции, изложенные в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда

РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения»²: субъектом преступлений, предусмотренных ст. ст. 264 и 264¹ УК РФ, является достигшее 16-летнего возраста лицо, управлявшее автомобилем, трамваем или другим механическим транспортным средством, предназначенным для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем. Из приведенной правовой позиции с очевидностью следует, что таковым признается не только водитель, сдавший экзамены на право управления указанным видом транспортного средства и получивший соответствующее удостоверение, но и любое другое лицо, управлявшее транспортным средством, в том числе лицо, у которого указанный документ был изъят в установленном законом порядке за ранее допущенное нарушение пунктов постановления Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») (далее — Правила дорожного движения), лицо, не имевшее либо лишенное права управления соответствующим видом транспортного средства, а также лицо, обучающее вождению на учебном транспортном средстве с двойным управлением.

Полагаем, что положения приведенного разъяснения Пленума Верховного Суда РФ могут беспрепятственно применяться при установлении признаков субъекта преступления, предусмотренного ст. 264² УК РФ.

При этом обстоятельством, подлежащим обязательному установлению, являются сведения о том, что субъект преступления подвергнут административному наказанию и лишен права управления транспорт-

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Доступ из справ.-прав «КонсультантПлюс».

ными средствами по ч. 5 ст. 12.15 или ч. 7 ст. 12.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

В связи с этим следует установить наличие административного наказания у субъекта преступления по ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ за повторный выезд в нарушение Правил дорожного движения на полосу, предназначенную для встречного движения, либо на трамвайные пути встречного направления или по ч. 7 ст. 12.9 КоАП РФ за повторное превышение установленной скорости движения транспортного средства на величину более 60, но не более 80 километров в час и на величину более 80 километров в час.

Согласно п. 2 ст. 4.3 КоАП РФ повторным признается совершение однородного административного правонарушения в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию за совершение однородного административного правонарушения.

В силу ст. 4.6 КоАП РФ лицо считается подвергнутым административному наказанию в течение 1 года с момента фактического окончания исполнения назначенного наказания.

В целях установления данного обстоятельства к материалам проверки сообщения о преступлении необходимо приобщить копию решения об административном наказании лица за совершение вышеуказанных правонарушений в течение 1 года с момента фактического окончания исполнения назначенного наказания.

Обратим внимание на отсутствие в КоАП РФ легального определения понятия повторности совершения административного правонарушения. В административно-правовой теории этому вопросу уделено достаточно много внимания. Так, А. С. Телегин отмечает, что начало срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, связано с вступлением постановления о назначении наказания в силу, и длится он в течение одного года с момента окончания исполнения данного постановления (так называемый период состояния административной наказанности) [1]. Полагаем, с позицией данного автора можно согласиться.

Объективную сторону названных преступлений образуют совершение лицом, обладающим вышеуказанными признаками субъекта преступления, предусмотренного ст. 264² УК РФ, нарушений ч. 4 ст. 12.9 КоАП РФ (превышение установленной скорости движения транспортного средства на величину более 60, но не более 80 километров в час), или ч. 5 ст. 12.9 КоАП РФ (превышение установленной скорости движения транспортного средства на величину более 80 километров в час), или ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ (выезд в нарушение Правил дорожного движения на полосу, предназначенную для встречного движения, либо на трамвайные пути встречного направления, за исключением случаев выезда на полосу, предназначенную для встречного движения, либо на трамвайные пути

встречного направления при объезде препятствия). Факт совершения вышеуказанных правонарушений должен быть зафиксирован в протоколе об административном правонарушении.

Согласно примечанию к ст. 264² УК РФ действие данной статьи не распространяется на случаи фиксации административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи.

В пункте 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»³ разъясняется, что под автоматическим режимом следует понимать работу соответствующего технического средства без какого-либо непосредственного воздействия на него человека, когда такое средство размещено в установленном порядке в стационарном положении либо на движущемся по утвержденному маршруту транспортном средстве, осуществляет фиксацию в зоне своего обзора всех административных правонарушений, для выявления которых оно предназначено, независимо от усмотрения того или иного лица.

При выявлении административных правонарушений с использованием вышеуказанных специальных технических средств действует особый порядок привлечения к ответственности. В тех случаях, когда технические средства фиксации работали не в автоматическом режиме, а также при фиксации административного правонарушения с применением иных технических средств (телефон, видеокамера, видеорегиистратор) должностным лицом согласно ч. 1 ст. 28.6 КоАП РФ могут быть составлены следующие документы: постановление по делу об административном правонарушении, либо протокол об административном правонарушении в отношении водителя транспортного средства, либо определение о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования. Полученные при этом фотоснимки, кино- и видеозаписи могут быть использованы в качестве доказательств совершения административного правонарушения.

Объективная сторона преступлений, указанных в ч. 2 ст. 264² УК РФ, предусматривает уголовную ответственность за совершение административных правонарушений, предусмотренных ч. 1 исследуемой нормы уголовного закона, лицом, имеющим судимость за совершение данных преступлений.

Согласно ч. 1 ст. 86 УК РФ лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу до момента погашения или снятия судимости. Таким образом, у субъекта преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 264² УК РФ, кроме изложенных

³ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

выше свойств, должна быть неснятая и непогашенная в установленном законом порядке судимость за совершение преступлений, предусмотренных чч. 1 и 2 ст. 264² УК РФ.

Обобщая изложенное, приведем перечень обстоятельств, подлежащих установлению в подобных случаях, необходимых для принятия одного из процессуальных решений, указанных в ст. 145 УПК РФ.

1. Точный возраст субъекта преступления. Если лицо, его совершившее, не достигло возраста 16 лет, необходимо устанавливать обстоятельства, свидетельствующие о соответствии его физического возраста психическому развитию.

2. Факт применения административного наказания на основании ч. 5 ст. 12.15 или ч. 7 ст. 12.9 КоАП РФ.

3. Дата вступления решения о применении административного наказания в законную силу, а также срок, прошедший с момента фактического окончания исполнения назначенного наказания.

4. Наличие права управления транспортным средством, а также факт лишения лица права управления транспортным средством на момент совершения преступления.

5. Наличие протокола об административном правонарушении, постановления о возбуждении административного производства либо определения

о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования по чч. 4 или 5 ст. 12.9 или ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ.

6. Наличие материалов фото- и киносъемки, видеозаписи в целях приобщения к материалам дела в качестве доказательств совершения административного правонарушения.

7. Наличие неснятой и непогашенной судимости по ст. 264² УК РФ.

Установление наличия или отсутствия перечисленных обстоятельств позволяет решить вопрос об основании для принятия решения о возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 264² УК РФ, отвечающего критериям законности, обоснованности и мотивированности. Однако предложенный нами перечень носит открытый характер, сформулирован на основе анализа действующего законодательства, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, а также специальной литературы.

Полагаем, что в процессе формирования соответствующей судебно-следственной практики изложенная в статье информация может носить для правоприменителя ориентирующий характер, способствовать оптимизации процесса принятия решений о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 264² УК РФ.

Список литературы

1. Телегин А. С. К вопросу о юридической природе административного правонарушения // Административное право и процесс. 2020. № 4.

Применение положений ст. 1.7 КоАП РФ к нормам, носящим временный характер: постановка проблемы

В статье рассматриваются вопросы применения обратной силы закона к нормам, изначально носящим временный характер. На основе анализа положений законодательства, а также судебной практики ставится проблема целесообразности распространения положений ч. 2 ст. 1.7 КоАП РФ на нормы, которые действуют ограниченный промежуток времени.

Ключевые слова: обратная сила закона; действие законодательства об административных правонарушениях во времени; нормы, носящие временный характер; правила поведения при введении режима повышенной готовности.

Статья 1.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях регламентирует действие законодательства об административных правонарушениях во времени. В части 1 указанной статьи сформулировано общее правило, согласно которому лицо, совершившее административное правонарушение, подлежит ответственности на основании закона, действовавшего во время совершения административного правонарушения.

Частью 2 вышеуказанной нормы установлено, что закон, смягчающий или отменяющий административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом улучшающий положение лица, совершившего административное правонарушение, имеет обратную силу, т. е. распространяется и на лицо, которое совершило административное правонарушение до вступления такого закона в силу и в отношении которого постановление о назначении административного наказания не исполнено.

Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях неоднократно указывал на то, что положения ч. 2 ст. 1.7 КоАП РФ воспроизводят предписания ст. 54 Конституции Российской Федерации, конкретизируя их применительно к сфере административных правонарушений¹, и потому не могут рассматриваться как противоречащие Конституции Российской Федерации. При этом распространение действия закона, отменяющего административную ответственность, на лиц, в отношении которых не исполнено постановление о назначении административного наказания, в том числе по причине уклонения от его исполнения, согласуется с принципами справедливости, гуманизма и адекватности публично-правового реагирования на совершен-

ное противоправное деяние соразмерно его актуальной общественной опасности и, принимая во внимание, что ст. 54 (ч. 2) Конституции Российской Федерации не ограничивает возможность применения правил об обратной силе закона в зависимости от каких-либо обстоятельств, включая поведение совершивших правонарушение и привлеченных к ответственности лиц, не выходит за рамки дискреционных полномочий законодателя².

Развивая ч. 2 ст. 1.7 КоАП РФ, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что изменение (пересмотр) правил, несоблюдение которых образует объективную сторону административных правонарушений, предусмотренных бланкетными диспозициями законодательства об административных правонарушениях, не может не оказывать влияния и на оценку противоправности соответствующего деяния, а потому положения ч. 2 ст. 1.7 КоАП РФ должны подлежать учету при внесении изменений не только в данный Кодекс и принимаемые в соответствии с ним законы субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях, но и в законы и иные нормативные правовые акты, устанавливающие правила и нормы, за нарушение которых предусмотрено наступление административной ответственности³.

Отметим, что каких-либо проблем, связанных с применением положений ч. 2 ст. 1.7 КоАП РФ к нормам, период действия которых не был ограничен, не возникает. Ярким примером может служить отмена административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 12.9 КоАП РФ⁴.

Однако ряд составов административных правонарушений, которые носят бланкетный характер, изначально подразумевают конечность периода их действия.

¹ Постановление от 14 июля 2015 г. № 20-П ; Определение от 10 октября 2013 г. № 1485-О ; Определение от 21 ноября 2013 г. № 1903-О ; Определение от 22 декабря 2015 г. № 2901-О ; Определение от 27 сентября 2016 г. № 2017-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Борохова Олега Викторовича, Кауца Вячеслава Артуровича и Федотова Андрея Юрьевича на нарушение их конституционных прав частью 2 статьи 1.7 и пунктом 5 части 1 статьи 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : определение Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 г. № 1485-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ По жалобе автономной некоммерческой организации «СЕРТИНФО» на нарушение конституционных прав и свобод частью 2 статьи 1.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : определение Конституционного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 2017-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 28 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» : федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 196-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Например, ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, выразившееся в неисполнении действующих санитарных правил и гигиенических нормативов, санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятий, совершенное в период режима чрезвычайной ситуации или при возникновении угрозы распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, либо в период осуществления на соответствующей территории ограничительных мероприятий (карантина), либо невыполнения в установленный срок выданного в указанные периоды законного предписания (постановления) или требования органа (должностного лица), осуществляющего федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, о проведении санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий. Часть 2 ст. 20.4 КоАП РФ закрепляет ответственность за нарушение требований пожарной безопасности, за исключением случаев, предусмотренных ст. ст. 8.32 и 11.16 КоАП РФ и чч. 6, 6.1 и 7 данной статьи, совершенное в условиях особого противопожарного режима. Частью 1 ст. 20.6.1 КоАП РФ установлена ответственность за невыполнение правил поведения при введении режима повышенной готовности на территории, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, или в зоне чрезвычайной ситуации, за исключением случаев, указанных в ч. 2 ст. 6.3 данного Кодекса.

Для наглядности рассмотрим ситуацию, возникающую при разрешении дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.6.1 КоАП РФ. Тем более что имеется соответствующая правоприменительная практика в контексте данного вопроса.

Так, на территории Омской области введен режим повышенной готовности для органов управления и сил территориальной подсистемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций Омской области⁵. Аналогич-

ные режимы были введены на всей территории Российской Федерации⁶.

В связи с улучшением санитарно-эпидемиологической ситуации в отдельных регионах Российской Федерации решениями глав субъектов Российской Федерации режимы повышенной готовности были отменены. Например, указ Губернатора Красноярского края от 31 марта 2020 г. № 73-УГ, которым была установлена обязанность граждан использовать средства индивидуальной защиты органов дыхания при нахождении в общественном транспорте и такси, на остановочных пунктах, при посещении организаций, деятельность которых не приостановлена, утратил силу с 16 марта 2022 г.

При разрешении дел об административных правонарушениях по ст. 20.6.1 КоАП РФ, совершенных в период действия режима повышенной готовности, но не рассмотренных на момент отмены соответствующих правил поведения, а также при пересмотре постановлений по делам об административных правонарушениях судьи прекращают производство по делам на основании п. 5 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ (признание утратившими силу закона или его положения, устанавливающих административную ответственность за содеянное)⁷.

В данном случае судьи руководствуются разъяснением Верховного Суда Российской Федерации, содержащимся в вопросе № 22 Обзора, согласно которому отмена нормативного правового акта, принятого уполномоченным государственным органом субъекта Российской Федерации и содержащего обязательные для исполнения гражданами и организациями правила поведения при введении режима повышенной готовности, или исключение из такого акта отдельных правовых норм, закрепляющих те или иные правила поведения, являются основанием для прекращения производства по делу об административном правонарушении, предусмотренном соответствующей частью ст. 20.6.1 КоАП РФ, либо отмены состоявшегося по делу об указанном правонарушении постановления о назначении административного наказания, если оно не было исполнено (п. 5 ч. 1 ст. 24.5 данного Кодекса)⁸.

⁵ О мероприятиях по недопущению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Омской области : распоряжение Губернатора Омской области от 17 марта 2020 г. № 19-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ См., напр.: О дополнительных мерах, направленных на предупреждение распространения коронавирусной инфекции, вызванной 2019-nCoV, на территории Красноярского края : указ Губернатора Красноярского края от 27 марта 2020 г. № 71-уг. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; О введении на территории Республики Карелия режима повышенной готовности для органов управления и сил территориальной подсистемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций Республики Карелия : распоряжение Главы Республики Карелия от 12 марта 2020 г. № 127-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Московской области : постановление Губернатора Московской области от 12 марта 2020 г. № 108-ПГ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; и др.

⁷ См., напр.: Дело № 7п-332/2022. URL: //http://kraevoy.kr.k.sudrf.ru/ ; Дело № 7п-356/2022. URL: // http://kraevoy.kr.k.sudrf.ru/ ; Дело № 5-681/2022. URL: // http://lenins.kr.k.sudrf.ru/ ; и др.

⁸ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 3 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17.02.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации объяснима. Часть 2 ст. 1.7 КоАП РФ не содержит каких-либо изъятий относительно невозможности применения обратной силы закона, улучшающего положение лица, совершившего административное правонарушение.

Вместе с тем введение специальных режимов, нарушение которых влечет административную ответственность, обусловлено следующей спецификой. Во-первых, повышенная степень опасности деяний, совершенных в период их действия. Во-вторых, временный характер такого режима. При этом в отдельных нормативных актах может быть не указан период действия специального режима⁹, что само по себе не ставит под сомнение его последующее окончание, в других могут быть указаны конкретные даты его действия¹⁰.

В силу ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ административное наказание является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения и применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами.

Конституционным Судом Российской Федерации абсолютно верно отмечено, что реализация указанной цели в аспекте общей и частной превенции обеспечивается посредством неотвратимости наказания и за счет введения таких мер юридической ответственности, которые, будучи соразмерными и справедливыми, позволяют в конкретных обстоятельствах стимулировать участников правовых отношений к правомерному поведению¹¹.

Представляется, что применение обратной силы закона к специальным режимам, которые носят временный характер, тем более в случаях, когда лицо, совершившее административное правонарушение, уклоняется от исполнения наказания, не соответствует превентивной функции административного наказания. Такое нормативное регулирование (без учета специфики нормы, к которой применяется обратная сила закона) создает предпосылки для злоупотреблений в целях последующего ухода от административ-

ной ответственности за содеянное, а также ставит в неравное положение лиц, совершивших одни и те же по степени общественной опасности административные правонарушения в начале и конце действия специального режима.

В связи с этим особый интерес вызывает приведенная ниже правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации. Высший судебный орган конституционного контроля указал следующее.

В настоящее время сохраняют юридическую силу нормы ст. 20.6.1 КоАП РФ, устанавливающей административную ответственность за невыполнение правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения.

Соответственно, ни постановлению Губернатора Костромской области от 19 июня 2020 г. № 112, которым признаны утратившими силу положения, обязывающие граждан не покидать места проживания (пребывания), ни даже возможной в последующем полной отмене решения о введении режима повышенной готовности не может быть придано значение закона, отменяющего административную ответственность за административное правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 20.6.1 КоАП РФ. В противном случае установление административной ответственности в условиях специальных (временных) режимов может утратить свое правовое значение, поскольку будет предполагать освобождение от публично-правовой ответственности лиц, нарушающих специальные требования и ограничения, после отмены таких режимов, притом что соответствующая публично-правовая ответственность изначально устанавливается для обеспечения соблюдения специально вводимых временных ограничений¹².

Таким образом, имеется явное нормативное противоречие между целями наказания, предусмотренными ст. 3.1 КоАП РФ, и ч. 2 ст. 1.7 КоАП РФ в части возможности ее применения ко всем без исключения нормам без учета временного характера действия отдельных из них. Представляется, что данный вопрос требует доктринального разрешения и специального реагирования высших судебных инстанций.

⁹ *О мероприятиях по недопущению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Омской области* : распоряжение Губернатора Омской области от 17 марта 2020 г. № 19-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ См., напр.: *Об установлении особого противопожарного режима на территории Омской области* : постановление Правительства Омской области от 23 апреля 2021 г. № 162-п. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5500202104230001>.

¹¹ *Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «ОТЕЛЬ» на нарушение конституционных прав и свобод частями 1 и 4 статьи 1.5, частью 2 статьи 2.1 и частью 5 статьи 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также частью 1 статьи 19 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле»* : определение Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2020 г. № 497-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² *По запросу Костромского областного суда о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях* : определение Конституционного Суда РФ от 11 ноября 2021 г. № 2355-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.1

В. В. КАЛЬНИЦКИЙ**Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве основания для производства следственных действий**

В статье привлечено внимание к одному из аспектов использования следователем результатов оперативно-розыскной деятельности. Рассматриваются непростые для понимания (в силу недостаточного нормативного регулирования и межотраслевого характера) вопросы, связанные с определением содержания и объема фактических оснований для принятия решения о производстве следственных действий, в том числе использованием в этих целях результатов оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: следственные действия; фактические основания производства следственного действия; использование результатов оперативно-розыскной деятельности.

Педагогическая практика показывает, что обозначенная проблематика — использование результатов оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) для целей обоснования выбора и производства конкретного следственного действия — представляет для обучающихся значительную сложность. Причем трудности подготовки ответа на данный вопрос возникают уже с момента определения его предмета, т. е. установления того, что интерпретировать и в каких пределах. Наиболее распространенной ошибкой выступает стремление сделать акцент на доказательственной ценности оперативно-розыскных материалов, их использовании для подтверждения факта совершения преступления и причастности к нему определенного лица, т. е. на использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств по уголовному делу. Формирование на основе результатов ОРД судебных доказательств — это, конечно же, важнейший (центральный) вопрос соотношения оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, однако здесь он выступает общим фоном, его следует иметь в виду, отграничивая от него и сопоставляя с ним исследуемый самостоятельный нюанс.

Понять предмет рассматриваемого вопроса можно посредством анализа таких категорий, как (1) «направления использования результатов ОРД в уголовном процессе» и (2) «фактические основания для производства следственного действия».

Первый аспект разберем на основе статьи 11 «Использование результатов оперативно-розыскной деятельности» Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД). В соответствии с законом результаты ОРД могут быть использованы в различных сферах. Применительно к уголовному процессу такое использование предусмотрено: 1) для подготовки и осуществления следственных и судебных действий; 2) в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела; 3) в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств. Условно назовем это направлениями использования результатов ОРД

в уголовном процессе. Более детально нас будут интересовать первый и третий пункты приведенного перечня, поскольку первичная информация о преступлении и решение о возбуждении уголовного дела непосредственно с производством следственных действий не связаны.

Применительно к следственным действиям законодатель говорит об использовании результатов ОРД для их «подготовки» и «осуществления». Данное нормативное положение несколько отличается от сформулированного нами базового тезиса — использование в качестве основания для производства следственного действия, хотя близко к нему. В Законе об ОРД применена не вполне уголовно-процессуальная терминология. Под подготовкой можно понимать и криминалистический аспект (например, планирование, выработка тактики), и сугубо процессуальный (принятие решения). Осуществление следственного действия на языке процессуалиста означает его производство, которое при расширительном толковании также соприкасается с вопросом о принятии решения о выборе и производстве конкретного следственного действия.

Доказывание предполагает, как правильно указано в Законе об ОРД, собирание и проверку доказательств. Основным способом собирания доказательств согласно ч. 1 ст. 86 УПК РФ выступает производство следственных действий. Проверка доказательств реализуется, в частности, путем получения иных доказательств также посредством производства следственных действий (ст. 87 УПК РФ). Поэтому широко сформулированное в законе направление использования результатов ОРД в доказывании позволяет путем интерпретации показать тесную связь с категорией «следственные действия», в том числе и в аспекте использования результатов ОРД в качестве оснований следственных действий.

Теперь выскажемся о фактических основаниях производства следственных действий. Принято различать основания правовые (юридические) и фактические. Правовыми основаниями выступают правоприменительные акты в виде постановления следователя (дознателя) либо судьи о производстве конкретного

следственного действия или даже на это разрешения. Фактические основания — это всегда сведения (совокупность сведений), на которых основывается вывод о необходимости следственного действия. Фактические основания порой выражают, используя термин «обстоятельства». Например, говорят, что основанием производства следственного действия выступают обстоятельства, свидетельствующие ... (далее приводится конкретное содержание данных обстоятельств в зависимости от вида следственного действия). Это также правильно и допустимо. Однако нужно помнить, что обстоятельства устанавливаются сведениями (на основе информации). Возникает цепочка: сведения — обстоятельства — решение о производстве следственного действия. Коль скоро в основе цепочки лежат сведения, то верно и выработанное нами суждение, что фактическим основанием производства следственного действия являются сведения, точнее, их совокупность.

В зависимости от вида следственного действия и ситуации по уголовному делу совокупность сведений различается по объему. Действует правило: чем выше уровень принимаемого решения, тем значительнее должна быть его обоснованность. Поэтому при дальнейшем изложении станем сопоставлять обоснованность проведения конкретного следственного действия с его существом и условиями, в которых оно производится.

Помимо объема сведений, образующих фактическое основание следственного действия, переменной (непостоянной, подвижной) величиной выступает правовая природа таких сведений. Принимая решение о производстве следственного действия или ставя вопрос перед судом о выдаче для этого разрешения, следователь в первую очередь опирается на имеющиеся в деле доказательства (т. е. сведения высокой степени готовности, пригодные даже для постановления приговора). Однако следственное действие само выступает способом собирания доказательств, оно часто проводится на начальном этапе расследования, когда доказательства не собраны. Поэтому требовать, чтобы производство следственного действия всегда основывалось на совокупности доказательств, нереально. Например, авторы Теоретической модели уголовно-процессуального законодательства отмечали, что основанием для производства обыска и выемки являются «собранные по делу доказательства» [1, с. 139]. **Логика авторов** понять можно, но с ней трудно согласиться. Если законодатель изберет рекомендованный подход, то указанные следственные действия придется обосновывать исключительно доказательствами, без ссылок на сведения, не получившие такого статуса, например результаты ОРД, что явно затруднит раскрытие и расследование преступлений.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит требования обосновывать проведение следственного действия исключительно

доказательствами, что позволяет утверждать применимость для этих целей оперативно-розыскных данных. Вопрос об объеме таких данных в общей совокупности сведений, обосновывающих производство следственного действия, разрешается индивидуально применительно к каждому следственному действию, осуществляемому в конкретной следственной ситуации. Гипотетически возможны самые разные сочетания: исключительно доказательства; доказательства в сочетании с оперативными материалами; исключительно оперативные материалы. Различаться может доля тех и других сведений.

Необходимо оговориться, что, будучи частью совокупности сведений, обосновывающих производство следственного действия, оперативно-розыскные данные неоднородны и должны быть дифференцированы в зависимости от их свойств. Часть результатов ОРД к моменту принятия решения о производстве следственного действия вполне может преобразоваться (качественно возрасти) до уровня судебного доказательства. В уголовном процессе это означает, что на основе конкретного информационного продукта оперативно-розыскной деятельности сформировано доказательство. Например, изъятый в ходе ОРД и представленный следователю предмет осмотрен, исследован в ходе экспертизы, оценен с позиций относимости и допустимости и признан специальным постановлением вещественным доказательством; представленный акт оперативно-розыскного мероприятия оценен на соответствие требованиям законодательства и приобщен к уголовному делу в качестве доказательства в виде иного документа или (в зависимости от сложившейся практики) также в качестве вещественного доказательства.

В таких случаях (когда оперативно-розыскная информация приобрела в ходе уголовно-процессуальной деятельности форму доказательства), на наш взгляд, нецелесообразно говорить об использовании результата ОРД в качестве основания для производства следственного действия. К моменту принятия решения данная информация обладает всеми признаками доказательства, поэтому для глубины анализа можно подчеркнуть, что доказательство имеет оперативно-розыскную природу (произошло из материалов ОРД), но все же это уголовно-процессуальное доказательство. В данной статье будем говорить только о тех сведениях, которые, имея оперативно-розыскную природу, не преобразованы в доказательство, недопустимы для разрешения основного вопроса уголовного дела о виновности преследуемого лица, но пригодны для принятия промежуточных (оперативных по своей сути) решений о собирании доказательств путем производства следственных действий.

Еще одно необходимое существенное пояснение. Результаты ОРД подразделяются на негласные и гласные. Гласными назовем те сведения, которые

доступны для ознакомления и интерпретации должностными лицами, ведущими уголовный процесс, и заинтересованными невластными его участниками. Они не достигли качества судебного доказательства, но обладают способностью осветить те или иные обстоятельства, связанные с предметом расследования. Негласными являются сведения, источник которых не подлежит разглашению, а, значит, сами эти сведения во избежание разглашения источника информации, по общему правилу, не представляются следователю (дознавателю) и в суд. Однако в рамках взаимодействия, в частности совместного планирования раскрытия и расследования преступления, следователь (дознаватель) может быть проинформирован о таких сведениях. Нет также запрета на ознакомление с документами из дел оперативного учета судьи. Квинтэссенция рассматриваемого нами вопроса как раз заключается в том, чтобы определить, в какой мере внутреннее убеждение органа расследования или судьи в необходимости производства того или иного следственного действия может формироваться под влиянием негласной или гласной, но не ставшей доказательством оперативно-розыскной информации.

Таким образом, в качестве общей части нашего анализа можем сформулировать следующий вывод: Закон об ОРД предусматривает самостоятельное направление использования результатов оперативно-розыскной деятельности, в соответствии с которым такие результаты могут войти в совокупность сведений (материалов), служащих фактическим основанием для производства следственных действий, что подтверждается проведенными исследованиями [2, с. 80–93; 3, с. 124–128]; данное дозволение оперативно-розыскного закона выводится из положений, текстуально сформулированных по-иному, но точно соответствует их смыслу, а также полностью согласуется с учением об основаниях принятия уголовно-процессуальных решений, в частности с категорией «фактические основания», представляющей собой совокупность положенных в основу решения сведений.

Особенную часть анализа построим на рассмотрении норм УПК РФ, посвященных принятию решений о производстве отдельных следственных действий, и их теоретической интерпретации. Сразу оговорим, что в исчерпывающем виде формулировок фактических оснований следственных действий в законе, как правило, нет. Законодатель часто избегает классического обозначения оснований производства следственных действий, которое, как представляется, должно содержать указание на наличие достаточных данных (доказательств, сведений), свидетельствующих о возможности достижения того результата, на который рассчитано следственное действие. В законе, как правило, содержится указание на цель следственного действия. Отметим также, что степень «выписанности» фактических оснований (степень внима-

ния, которое законодатель уделяет формулированию таких оснований) зависит от вида следственного действия, в том числе от уровня ограничения данным действием конституционных прав граждан, а также от того, какое правовое основание предусмотрено для его проведения.

В соответствии с чч. 1 и 2 ст. 164 УПК РФ различаются следственные действия, для производства которых (1) не требуется вынесение постановления, т. е. принятое решение не воплощается в письменный документ; (2) требуется постановление следователя или дознавателя; (3) необходимо постановление суда. Примером первой группы следственных действий выступают осмотр (кроме осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих лиц), допрос, очная ставка, следственный эксперимент, предъявление для опознания, проверка показаний на месте; второй — освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования, судебная экспертиза, выемка и обыск, помимо случаев отнесения их проведения к компетенции суда; третьей — наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, принудительный осмотр жилища, обыск и выемка, связанные с ограничением конституционных прав участников процесса. Зависимость правового основания производства следственного действия от его вида и цели закономерна и логична. Прослеживается прямая корреляция: чем значимее ограничиваемые права и свободы, тем выше требования к правовому, а также, как правило, фактическому основанию следственного действия.

Теперь, когда мы построили условную иерархию следственных действий по степени ограничительно-го потенциала, рассмотрим фактические основания их производства, в том числе и роль в принятии решения результатов оперативно-розыскной деятельности.

Допрос — одно из самых мало ограничительных (нетравмирующих, щадящих) следственных действий. Скорее всего, именно по этой причине закон не предусматривает вынесения постановления для допроса и не делает акцента на его фактических основаниях. Основания допроса свидетеля в правоприменительной деятельности выводятся из понятия данного участника. Свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства для расследования и разрешения уголовного дела (ч. 1 ст. 56 УПК РФ). При такой достаточно широкой формулировке сущности свидетеля и отсутствии необходимости вынесения постановления о производстве допроса можно считать, что фактическим основанием для допроса свидетеля выступает минимальный набор сведений о его вероятной осведомленности об обстоятельствах дела. Следователю нет необходимости подтверждать решение о допросе

доказательствами, например, показаниями потерпевшего или другого свидетеля. Полагаем, что вызов на допрос конкретного лица возможен на основе одной лишь негласной оперативно-розыскной информации. Задача следователя состоит лишь в том, чтобы не раскрыть источник информации, найдя повод для объяснения вызова. Круг таких поводов может быть очень широкий: проживание в многоквартирном доме, во дворе которого совершено преступление; возможное совпадение маршрутов передвижения на работу и пр. Но, повторяем, фактическим основанием для допроса, т. е. сведениями, предопределившими выбор и проведение следственного действия, выступают в нашем примере негласные оперативно-розыскные данные. Совершенно иная ситуация в случаях допроса других участников процесса. Основанием для допроса потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого выступает сам факт наделения лиц данным статусом, соответственно, об использовании в качестве основания допроса результатов ОРД речь не идет.

Не находится места оперативно-розыскным данным при производстве очной ставки в целях устранения противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц. Здесь фактическим основанием следственного действия выступают ранее данные показания, оцененные как существенно не совпадающие в главных моментах. Вместе с тем, если очная ставка проводится в целях реализации права подозреваемого или обвиняемого оспорить показания лица, свидетельствующего против него, то ситуация может быть противоположной. Поскольку оспаривание показаний осуществляется в связи с возможной неявкой свидетеля в судебное заседание, то оперативно-розыскная информация о таком развитии событий, в том числе негласная, вполне является фактическим основанием для очной ставки. Использование негласной, т. е. процессуально не проверяемой информации обусловлено широкой трактовкой права преследуемого лица на оспаривание показаний, данных против него. По сути, подобные действия могут выполняться по всем делам без исключения, что называется, на всякий случай. Но поскольку очная ставка в целях оспаривания показаний допустима всегда, то выбор случаев, когда вероятность неявки свидетеля высока, может быть осуществлен с помощью оперативно-розыскной информации.

Широкий спектр вариантов использования оперативных данных в качестве фактического основания производства конкретного следственного действия можно продемонстрировать осмотром. Степень обоснованности каждого отдельного осмотра зависит от осматриваемого объекта, точнее, его ценности в системе конституционно охраняемых интересов граждан. Так, осмотр общедоступного участка местности проводится при минимальном обосновании такого решения. Причина, по которой

следователь выбрал данный участок местности для осмотра, может быть любой. Совокупность сведений, обосновывающих и подтверждающих такое решение, стремится к нулю. Выбор и производство следователем этого следственного действия невозможно ни оспорить, ни опровергнуть. В подобных условиях следователь вполне мог руководствоваться одними негласными оперативно-розыскными данными. Другая ситуация — осмотр жилища. В деле должны быть документально подтвержденные сведения о совершенном в жилище преступлении или иных обстоятельствах, имеющих отношение к делу. Возможная проверка обоснованности осмотра в жилище, в том числе по жалобам заинтересованных лиц в судебном заседании, практически исключает из совокупности сведений информацию оперативного характера, тем более негласную.

Наиболее правильно с точки зрения понимания сущности фактических оснований уголовно-процессуального решения в законе отражены основания обыска: «наличие достаточных данных» (ч. 1 ст. 182 УПК РФ). Фактическим основанием производства обыска может служить совокупность доказательств и данных, почерпнутых из оперативно-розыскных источников. Нередко бывает так, что из уголовного дела вытекает лишь факт пребывания подозреваемого после совершения преступления в определенном не принадлежащем ему жилище, но в процессуальном производстве нет сведений о хранении в нем, например, орудия преступления или похищенного имущества. Процессуальных сведений может оказаться недостаточно для выдачи судом разрешения на производство обыска, тем более, если речь идет о жилище не причастного к деянию человека. В этих условиях неопределимое значение имеет любая по качеству, в том числе негласная оперативно-розыскная информация, подтверждающая возможное нахождение в жилище искомых предметов.

Необходимо отметить, что подмеченная прямо пропорциональная зависимость — чем выше ценность затрагиваемых в ходе следственного действия интересов, тем большими по объему и лучшими по качеству должны быть сведения, обосновывающее решение о таком действии — срабатывает не всегда. Обратим внимание, что санкционируемые судом наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами производятся «при наличии достаточных оснований полагать, что ...». Именно так, достаточно широко, можно сказать, аморфно, закон формулирует фактические основания этих следственных действий, что дает возможность опираться при принятии решения на оперативно-розыскные данные даже негласного характера. Это обстоятельство позволяет увидеть противоречие между высоким статусом ор-

гана, принимающего решение, и весьма оценочным уровнем его обоснованности. На самом деле, в чем может усомниться суд, если следователь аргументирует ходатайство о получении информации о соединениях абонентов наличием у подозреваемого телефона и возможными контактами с неустановленными лицами. Как говорится, есть запрос — нет возражений. В таких условиях, конечно же, возбуждая ходатайство перед судом, следователь вправе опираться на негласную оперативно-розыскную информацию, поскольку исходный побудительный мотив решения следователя безотносителен к легально формулируемому его основанию. Подобный анализ использования оперативно-розыскных данных в качестве основания проведения следственного действия во всех возможных вариациях и применительно к каждому отдельному действию может быть продолжен. Однако надеемся, что показанная закономерность оказалось понятной, поэтому не станем множить примеры. Сосредоточимся на том, в каком виде оперативно-розыскная информация доступна для следователя (дознавателя), чтобы ее можно было использовать. Поясним: та часть совокупности фактических оснований, которая образуется доказательствами, конечно же, содержится в материалах уголовного дела в виде протоколов, заключений экспертов, показаний, документов и т. д. Следователь не вправе сослаться на материалы другого уголовного дела, подтверждающие необходимость следственного действия, если они не приобщены к делу, по которому принимается решение. Что касается результатов ОРД, то они могут быть представлены в уголовное дело в виде предметов и документов. В качестве основания для производства следственных действий такие материалы вполне пригодны еще до завершения формирования на их основе полноценных доказательств. Формой представления оперативных материалов в уголовное дело могут стать допрос сотрудника оперативно-розыскного подразделения, его рапорт, справка. На формирование внутреннего убеждения следователя о необходимости производства следственного действия может оказать влияние бездокументальное его ознакомление с негласной оперативно-розыскной информацией. Такое использование оперативно-розыскных данных допустимо, как было показано, для ряда следственных действий в качестве непосредственного основания принятия решения, для других — в качестве информации для оценки легальных сведений. Формой представления результатов оперативно-розыскной деятельности суду выступает заслушивание сотрудника оперативно-розыскного подразделения в судебном заседании. Представляется, что на этапе оперативного судебного контроля за обоснованностью следственных действий во внимание могут быть приняты такие пояснения без протокольной ссылки на источники информации, поскольку речь

идет не о доказывании виновности в совершении преступления, а всего лишь о производстве следственного действия, направленного на собирание доказательств причастности лица к совершению преступления.

Изложенное может быть обобщено следующими положениями.

1. Под использованием оперативно-розыскных данных в качестве основания производства следственных действий понимается самостоятельное направление использования результатов ОРД в уголовном процессе, прямо нормативно не сформулированное, но вытекающее из положений и смысла ст. 11 Закона об ОРД и норм УПК РФ, регламентирующих собирание доказательств.

2. Фактическое основание производства конкретного следственного действия представляет собой совокупность сведений, в своем единстве формирующих у должностного лица убежденность, что следует избрать именно данный конкретный способ собирания доказательств как соответствующий требованиям закона и расследуемым обстоятельствам.

3. Поскольку выбор следственного действия относится к промежуточным решениям, направленным не на разрешение основного вопроса уголовного дела о невиновности или виновности преследуемого лица, а всего лишь на собирание для этого доказательств, сам по себе такой выбор основывается на первичных сведениях, не всегда имеющих статус доказательства.

4. В зависимости от вида и обстоятельств следственного действия результаты оперативно-розыскной деятельности во всех их проявлениях могут учитываться при принятии решения о производстве такого действия либо в качестве исчерпывающей информационной базы (следственное действие производится исключительно на основе оперативно-розыскных данных), либо как сведения, дополняющие уголовно-процессуальные материалы или позволяющие оценить их достоверность (вспомогательное значение оперативно-розыскных данных).

5. Использование оперативно-розыскных данных в качестве оснований для производства следственных действий предполагает их предварительное приобщение к материалам уголовного дела в соответствующем законодательству и ведомственным нормативным правовым актам порядке. Формой введения в уголовный процесс оперативно-розыскных сведений, обосновывающих проведение следственного действия, может стать их представление суду в ходе судебного заседания, осуществляемого согласно чч. 1 или 5 ст. 165 УПК РФ. При выборе следственного действия (в отличие от доказывания виновности преследуемого лица) возможно использование ориентирующей негласной оперативно-розыскной информации без ссылки на ее источник.

Список литературы

1. *Уголовно-процессуальное* законодательство Союза ССР и РСФСР. Теоретическая модель / под ред. проф. В. М. Савицкого. М., 1990. 317 с.
  2. *Земскова А. В.* Правовые проблемы использования результатов оперативно-розыскных мероприятий в уголовно-процессуальном доказывании : монография. Волгоград, 2000.
  3. *Пашаева Э. Х.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в принятии процессуальных решений // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 6(32): в 2 ч. Тамбов, 2013. Ч. 1.
-
-

26 ноября 2021 г. в Омской академии МВД России состоялась всероссийская научно-практическая конференция «Совершенствование уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействия преступности». Предметом обсуждения стал широкий спектр проблем уголовного процесса и криминалистики.

По итогам конференции сформирован сборник. Отдельные, наиболее практикоориентированные научные статьи участников конференции публикуются в данном номере журнала.

УДК 343.1

С. В. БУРМАГИН

Уголовное производство по назначению судебного штрафа нуждается в модернизации

В статье исследуются процедурные недостатки уголовно-процессуального производства по разрешению ходатайства следователя (дознателя) о прекращении уголовного дела и назначении обвиняемому или подозреваемому судебного штрафа. Данное производство, по мнению автора, является разновидностью судебного производства по уголовному делу и должно осуществляться в соответствии с общими правилами рассмотрения уголовных дел, а не дел судебного контроля. Автором сформулированы предложения по совершенствованию анализируемого судебного производства.

Ключевые слова: предварительное расследование; прокурор; судебное производство; прекращение уголовного дела; судебный штраф.

Производство о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (глава 51¹ УПК РФ) внедрено в российское уголовное судопроизводство в 2016 г.¹ и предусматривает два самостоятельных порядка применения этой меры с одновременным освобождением лица от уголовной ответственности на основании ст. 76² УК РФ и прекращением уголовного дела или уголовного преследования по ст. 25¹ УПК РФ: первый осуществляется в судебном заседании при рассмотрении по существу уголовного дела, поступившего от прокурора с обвинительным документом, и представляет собой обычное судебное производство, завершающееся вынесением постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (ст. 446³ УПК РФ); второй используется при возникновении оснований применения ст. 76² УК РФ в ходе предварительного расследования (ст. 446² УПК РФ).

Во втором случае, собственно, и возникает интересующее нас особенное судебное производство, являющееся разновидностью производства уголовного дела и характеризующееся по существующим научным классификациям как ускоренное (по времени) и упрощенное (в процедурном смысле).

Процедурные особенности судебного рассмотрения дел по ходатайствам о назначении судебного

штрафа обусловлены, во-первых, спецификой их предмета, а именно характером и объемом разрешаемых по делу правовых вопросов; во-вторых, очевидным стремлением законодателя упростить и ускорить разрешение этих вопросов, добившись тем самым более широкого применения судебного штрафа как альтернативы уголовного наказания, снизив затратность уголовного производства, и облегчить в какой-то мере органам, ведущим производство по уголовному делу, выполнение стоящих перед ними задач.

Последнее обстоятельство играет значительную роль в росте популярности среди органов следствия и дознания такой формы завершения расследования по уголовному делу. Согласно данным судебной статистики за время применения судебного штрафа наблюдается ежегодный рост судебных производств по ходатайствам следователей и дознавателей о применении этой меры к обвиняемым и подозреваемым: с 10 611 дел, рассмотренных в 2017 г., до 41 228 дел — в 2020 г. (прирост более чем в 3,8 раза)².

Между тем сам порядок рассмотрения ходатайств следователя (дознателя) о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении судебного штрафа регламентирован фрагментарно и недостаточно ясно. Статья 446² УПК РФ определя-

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27, ст. 4256.

² Данные приведены по отчетам Судебного департамента при Верховном Суде РФ о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2017–2020 гг. (Форма № 1, раздел 1). URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 10.04.2022).

ет подсудность³, сроки рассмотрения дела, перечень участников судебного заседания и виды принимаемых судом итоговых решений, но не содержит положений о порядке проведения судебного разбирательства, его структуре и содержании. При этом ч. 2 ст. 446¹ УПК РФ указывает, что данное производство осуществляется по правилам, установленным УПК РФ, но эти правила весьма дифференцированы в законе для различных видов судебных производств, что не позволяет однозначно утверждать, какой из существующих порядков применим.

Поскольку суд при рассмотрении ходатайства в порядке ст. 446² УПК РФ ведет разбирательство по уголовному делу, было бы логичным предположить, что ему следует руководствоваться одним из порядков (общим или особым), установленных для рассмотрения уголовных дел с предъявленным обвинением. Однако Верховный Суд РФ рекомендовал судам разрешать ходатайства о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в отношении подозреваемого или обвиняемого и назначении ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в порядке ч. 6 ст. 108 УПК РФ⁴, т. е. с использованием процедуры судебного контроля, и на практике суды следуют этим рекомендациям.

Между тем ряд процессуалистов, исследующих уголовное производство по назначению судебного штрафа, справедливо отмечают его неоправданную ориентацию на процедуру судебного контроля и, как следствие, излишнюю дифференцированность процессуальной формы рассмотрения этой категории дел в сравнении с другими видами производств по уголовному делу [1–4], что не соответствует задачам этих судебных производств, правовой природе и характеру разрешаемых судом вопросов.

Для нас также очевидно, что судебно-контрольное производство по ст. 108 УПК РФ имеет принципиально иное предметно-целевое назначение и его процедуры плохо приспособлены для целей применения судебного штрафа как иной меры уголовно-правового характера, являющейся видом (средством) освобождения от уголовной ответственности.

Назначение судебного штрафа неизбежно сопряжено с установлением (доказыванием) события преступления и виновности конкретного лица, поскольку освободить от уголовной ответственности возможно лишь того, кто подлежит уголовной ответственности, т. е. лицо, виновное в совершении преступления. При этом основание уголовной ответственности, виновность лица должны быть не только установлены с помощью надлежащих процессуальных средств до-

казывания органом предварительного расследования, но и удостоверены (проверены) судом в судебном заседании.

Кроме того, полноценному доказыванию перед лицом органа правосудия, разрешающего вопрос о назначении судебного штрафа, подлежат также предусмотренные ст. 76² УК РФ основания и условия освобождения от уголовной ответственности с применением указанной меры. Эффективно осуществить такую доказательственную деятельность возможно только в условиях полновесного состязательного судебного разбирательства на основе судебного следствия.

В свете высказанных суждений важнейший момент в регламентации судебного производства по назначению судебного штрафа видится в том, что, определяя в ч. 5 ст. 446² УПК РФ виды результирующих решений для данной разновидности производств, законодатель определил одним из оснований отказа в удовлетворении ходатайства следователя (дознавателя) и возвращения уголовного дела с ходатайством руководителю следственного органа или прокурору несоответствие сведений об участии лица в совершении преступления, изложенных в постановлении о возбуждении ходатайства, *фактическим обстоятельствам дела, установленным в ходе судебного рассмотрения ходатайства*. Разъясняя и конкретизируя данное законоположение, Пленум Верховного Суда РФ в п. 25.3 постановления от 27 июня 2013 г. № 19 (в редакции от 29.11.2016) указал судам, что при изучении представленных материалов и рассмотрении ходатайства *судья должен убедиться в том, что выдвинутое в отношении лица подозрение или предъявленное лицу обвинение в совершении преступления небольшой или средней тяжести обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу*, и в материалах содержатся достаточные сведения, позволяющие суду принять итоговое решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении подозреваемому, обвиняемому меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Данное разъяснение вполне логично и необходимо, учитывая, что в соответствии со ст. ст. 76² и 104 УК РФ судебный штраф может быть назначен (а уголовное дело или уголовное преследование при этом прекращено на основании ст. 25¹ УПК РФ) только лицу, впервые *совершившему преступление* небольшой или средней тяжести, и эти положения закона требуют точного и бесспорного установления факта и обстоятельств совершения преступления конкретным лицом.

³ Подсудность дел по ходатайствам о назначении судебного штрафа, на наш взгляд, бесосновательно определяется по месту производства предварительного расследования вопреки общим правилам территориальной подсудности уголовных дел, закрепленным в ст. 32 УПК РФ, согласно которым подсудность уголовных дел определяется прежде всего по месту совершения преступления.

⁴ Пункт 25.4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (в редакции от 29.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

Однако законодатель не урегулировал, а Верховный Суд РФ оставил без комментариев вопрос о том, какими способами и средствами суды должны проверять обоснованность предъявленного обвинения (выдвинутого подозрения) при рассмотрении таких дел. С учетом того, что судебное следствие в производстве по назначению судебного штрафа не предусмотрено и на суд не возложена обязанность непосредственного исследования в судебном заседании доказательств, собранных в ходе предварительного расследования, а иное положение нивелировало бы все процедурные преимущества данного производства и сделало бы его бессмысленным, остается единственный способ — индивидуальное, непроцессуальное (вне судебного заседания) ознакомление председательствующего с письменными материалами уголовного дела, их изучение и оценка содержащихся в них доказательств по аналогии с тем, как обоснованность, подтвержденность обвинения доказательствами в силу положений ч. 7 ст. 316 УПК РФ устанавливается судом при рассмотрении уголовного дела в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (глава 40 УПК РФ).

Изучение судебной практики назначения судебного штрафа в порядке ст. 446² УПК РФ показывает, что суды в основном следуют данным предписаниям закона и рекомендациям Верховного Суда РФ, используя именно опосредованный метод познания обстоятельств уголовного дела и ознакомления с доказательствами, касающимися предъявленного обвинения (выдвинутого подозрения)⁵.

При этом судьи практикуют исследование в судебном заседании отдельных доказательств, касающихся иных оснований и условий прекращения уголовного дела по ст. 25¹ УПК РФ⁶, отражают в постановлениях о назначении судебного штрафа выводы об обоснованности обвинения и его подтверждении собранными по делу доказательствами⁷, а при установлении несоответствия подозрения (обвинения) в совершении преступления фактическим обстоятельствам дела и неподтвержденности собранными доказательствами отдельных признаков инкриминируемого состава преступления отказывают в удовлетворении ходатай-

ства следователя о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа⁸.

Указанное несовершенство судебных производств по назначению судебного штрафа, по нашему убеждению, является следствием недооценки на законодательном и правоприменительном уровнях, а нередко и игнорирования (в угоду внутриведомственным, «производственным» интересам) истинной сущности и значения выполняемой в рамках этих производств судебной деятельности, которая при всем своеобразием остается, по сути, деятельностью по осуществлению уголовного правосудия и требует адекватного ее задачам качественного состояния судебных процедур и определенной (в разумных пределах) их унификации, позволяющих обеспечивать эффективное и справедливое отправление правосудия.

Относительно совершенствования рассматриваемого производства в научной литературе выдвинуто множество разнообразных и достаточно аргументированных предложений [5, с. 54–58; 6, с. 1–16, 24–25], предусматривающих в том числе полный отказ от специальных судебных процедур назначения судебного штрафа по ходатайству органа предварительного расследования и принятие решения о применении данных мер уголовно-правового характера в форме судебного приговора, выносимого по результатам судебного разбирательства уголовного дела, проведенного в общем порядке [2].

На наш взгляд, в целях совершенствования судебного производства по рассмотрению уголовных дел с ходатайством о назначении судебного штрафа представляется необходимым предпринять следующие законодотворческие шаги.

1. Распространить общее правило направления уголовного дела в суд через прокурора (главы 30–31, ст. ст. 225–226, 226⁷–226⁸ и 439 УПК РФ) на судебное производство по назначению обвиняемому (подозреваемому) судебного штрафа и нормативно закрепить порядок, при котором постановления следователя (дознателя) о возбуждении перед судом соответствующего ходатайства с согласия руководителя следственного органа (начальника органа дознания) вме-

⁵ *Справка по результатам изучения судебной практики по применению судами Республики Крым судебного штрафа (статьи 76², 104⁴, 104⁵ УК РФ) (за период с 15 июля по 15 октября 2016 года) // Верховный Суд Республики Крым. URL: http://vs.krm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&tid=55 (дата обращения: 10.04.2022); *О соблюдении районными (городскими) судами и мировыми судьями законодательства, регламентирующего освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: справка Архангельского областного суда по результатам обобщения судебной практики // Архив Архангельского областного суда за 2019 г.**

⁶ *О соблюдении районными (городскими) судами и мировыми судьями законодательства, регламентирующего освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: справка Архангельского областного суда по результатам обобщения судебной практики.*

⁷ *Постановление Усольского городского суда Иркутской области от 7 февраля 2020 г. по уголовному делу № 1-183/2020. URL: https://usolsky--irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=232750602&dello_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 10.04.2022); *Постановление Вельского районного суда Архангельской области от 14 мая 2020 г. по уголовному делу № 1-111/2020. URL: https://velksud--arh.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=49782420&dello_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 10.04.2022).**

⁸ *Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76² УК РФ), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 июля 2019 г. URL: <http://www.vsrfr.ru/documents/thematics/?year=2019> (дата обращения: 10.04.2022).*

сте с уголовным делом должны направляться на утверждение прокурору.

2. Прокурора следует наделить полномочием принять по результатам рассмотрения (изучения) материалов уголовного дела одно из решений: 1) об утверждении постановления следователя (дознавателя) и направлении уголовного дела с соответствующим ходатайством в суд; 2) о возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования или продолжения расследования в обычном порядке; 3) о прекращении уголовного дела по другим основаниям, не связанным с применением иной меры уголовно-правового характера — судебного штрафа.

Предлагаемая конструкция, во-первых, устранит не имеющую, по верному замечанию И. С. Дикарева, убедительных оснований дифференциацию порядка направления в суд уголовных дел для применения таких иных мер уголовно-правового характера, как судебный штраф и принудительные меры медицинского характера [1]; во-вторых, снимет неопределенность роли прокурора в судебном производстве данного вида, возбуждаемом по ходатайству следователя: участие прокурора в качестве стороны в судебном заседании становится более осмысленным и целенаправленным, поскольку переводит его из положения «стороннего наблюдателя» в статус заинтересованной в исходе рассмотрения дела стороны, поддерживающей в суде утвержденное ранее ходатайство, и позволяет более четко и однозначно представлять суду единую позицию публичной, обвинительной власти.

3. Более явно и последовательно подчинить судебное производство по назначению судебного штрафа общим условиям и правилам производства уголовных дел в суде первой инстанции (главы 33, 35, 35–38 УПК РФ) за изъятиями, объективно вызванными спецификой предмета судебного рассмотрения

и интересами (разумной) процессуальной экономии, в частности: сокращенные сроки назначения и проведения судебного заседания, исключение предварительных слушаний, особые виды решений на этапе назначения судебного заседания, сокращенное судебное следствие, замена прений и последнего слова на однократное заслушивание мнений сторон, специфический перечень итоговых решений суда.

В целом процедуру судебного рассмотрения данных видов уголовных дел представляется целесообразным регламентировать наподобие особого порядка проведения судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (ст. 316 УПК РФ), предусмотрев при этом, что суд, как правило, принимает решение по письменным материалам дела, а судебное следствие с непосредственным исследованием как собранных, так и вновь представляемых сторонами доказательств проводится лишь для проверки тех указанных в постановлении следователя (дознавателя) сведений (обстоятельств), необходимых для разрешения ходатайства, достоверность которых вызывает сомнение у суда или оспаривается сторонами.

Итогом судебного разбирательства по рассматриваемой разновидности уголовных дел должно явиться вынесение судом одного из следующих решений: 1) об освобождении обвиняемого (подозреваемого) от уголовной ответственности, назначении судебного штрафа и прекращении уголовного дела или уголовного преследования; 2) об отказе в удовлетворении ходатайства и возвращении уголовного дела прокурору для возобновления (продолжения) предварительного расследования; 3) о прекращении уголовного дела по иным нереабилитирующим основаниям, не связанным с назначением иной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Список литературы

1. Дикарев И. С. Об унификации процессуальной формы направления уголовных дел в суд // Законность. 2017. № 8.
2. Кальницкий В. В. К вопросу о процессуальной форме судебного заседания в досудебном производстве // Российская юстиция. 2017. № 3.
3. Кальницкий В. В. Порядок прекращения судом уголовного дела (преследования) в связи с назначением судебного штрафа // Законодательство и практика. 2016. № 2.
4. Стельмах В. Ю. Процессуальные аспекты прекращения уголовного преследования с назначением судебного штрафа // Российский юридический журнал. 2018. № 6. С. 117–129.
5. Шалумов М. С. Некоторые вопросы, возникающие при рассмотрении судьей ходатайства органа предварительного расследования о применении судебного штрафа // Судья. 2017. № 8.
6. Шишов В. В. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в досудебном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

Социальная природа уголовно-процессуального конфликта

Исследована конфликтная природа системы уголовно-процессуальных отношений. Представлены аргументы того, что к уголовно-процессуальным могут быть отнесены исключительно социальные конфликты, носящие как межличностный (внутренние уголовно-процессуальные конфликты), так и межгрупповой характер, включая конфликты, складывающиеся между государством и негосударственными общественными структурами (внешние уголовно-процессуальные конфликты).

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовно-процессуальные отношения; социальный конфликт; уголовно-процессуальный конфликт.

Несмотря на очевидную конфликтную природу уголовно-процессуальных отношений, впервые об этом на серьезном теоретическом уровне стали вести речь лишь в начале 1980-х гг. В частности, одним из первых разработкой конфликтных ситуаций предварительного следствия занимался О. А. Баев, который методологически исходил из того, что социальный уголовно-процессуальный конфликт является «конфликтной ситуацией» — разновидностью следственной ситуации, что в целом характеризовало данную работу как скорее криминалистическое, а не уголовно-процессуальное исследование [1].

Заметный след в изучении уголовно-процессуального конфликта оставила работа В. Т. Томина «Острые углы уголовного судопроизводства» [2]. Написанная уже на излете существования Советского государства, она была, по сути, первой комплексной попыткой изучения всех тех противоречий, которые накопились к тому периоду в советском уголовном судопроизводстве. При этом во избежание излишней «теоретизации» и в расчете на самый широкий круг читателей автор лишь заявил об этих «острых» моментах советского уголовного судопроизводства конца 90-х гг., не сформулировав каких-либо концептуальных основ учения об уголовно-процессуальных противоречиях, что послужило причиной дальнейших, теоретически более глубоких исследований.

Среди них, безусловно, важнейшее место занимает работа Ю. В. Францифорова, специально посвященная этой тематике [3]. В ней автор впервые институализировал с современных позиций то, что ранее было обозначено В. Т. Томиным.

Нужно отметить, что в последние два десятилетия разработка теоретических аспектов уголовно-процессуальной конфликтологии несколько активизировалась. Так, на этом научном поприще отметились Л. В. Головкин [4], Н. А. Баева [5], Н. Ю. Лебедев [6]. Однако говорить о какой бы то ни было однозначности решения данной научной проблематики или общепризнанности тех или иных теоретических положений не приходится.

Что же мы подразумеваем под термином «уголовно-процессуальный конфликт»? Сразу отметим, что конфликт — это нормальное явление для системы уголовно-процессуальных отношений. Как бы

нам ни хотелось иметь бесконфликтную общественную среду, в данной сфере общественной жизни такое невозможно. И в этом мы солидарны с большинством исследователей. В то же время традиционное понимание уголовно-процессуального конфликта как конфликта, складывающегося исключительно между сторонами, разрешить который призван суд, нам представляется несколько узким и не в полной мере отражающим суть этого социального явления.

Уголовно-процессуальный конфликт — это социальный конфликт. Причем его социальность предопределяется не количеством участников, а их характеристиками, являющимися в терминологии социологической науки его акторами (т. е. активными, заинтересованными участниками). В связи с этим количественно социальный конфликт может носить и общественный (межгрупповой), и межличностный характер.

Думается, что первый из указанных видов конфликта имеет очевидную социальную сущность, и факт того, что общественный или межгрупповой конфликт является социальным, не требует дополнительного обоснования. Несколько сложнее обстоит дело с межличностными уголовно-процессуальными конфликтами, которые внешне могут напоминать личный конфликт. Однако это только внешнее сходство, так как, в отличие от личного, субъектами межличностного социального конфликта являются акторы — индивиды, реализующие в рамках конфликтного отношения какие-либо социальные функции.

Допустим, конфликтная ситуация, возникшая во взаимоотношениях лица, ведущего производство по уголовному делу, и любого другого участника уголовного судопроизводства, несмотря на внешне индивидуальный характер, на самом деле является социальным конфликтом, так как и первый, и второй его участник — носители определенной социальной роли, воплощенной в конкретном их уголовно-процессуальном статусе. В такой ситуации само наличие социального отношения, а следовательно и конфликта, возникшего между ними, продиктовано не их личными желаниями или потребностями, а исключительно тем, что первый, будучи представителем власти, является носителем публичных полномочий, а второй — лицом, вовлекаемым в производство по

уголовному делу, и оба они в силу требований закона обязаны вступить в это отношение.

Что касается внутриличностных конфликтов, то, безусловно, учитывая личностные особенности каждого из участников уголовно-процессуальных отношений, они не просто допустимы, но и неизбежны, однако ни уголовно-процессуальное, ни какое бы то ни было иное право не в силах предотвратить или разрешить эти конфликты. Связано это с тем, что внутриличностный (или индивидуальный) конфликт — это конфликт человека со своим внутренним «Я» или, словами Э. Дюркгейма, «конфликт между общественной и внутренней сознательной сущностью человека» [7]. И хотя в некоторых ситуациях правовые предписания, как представляется, могут стать дополнительным фактором в пользу принятия того или иного решения при наличии такого конфликта у участника уголовно-процессуальных отношений, назвать такой конфликт социальным, а следовательно, и уголовно-процессуальным нельзя.

Анализ уголовно-процессуального законодательства и практики его применения показывает, что конфликтное отношение, причиной которого являются несовершенство уголовно-процессуального регулирования либо уголовно-процессуальная деятельность конкретного участника данных отношений (т. е. то, что мы называем уголовно-процессуальным конфликтом), может возникать как между участниками уголовного судопроизводства, представляющими одну и ту же сторону, так и между участниками уголовно-процессуальной деятельности, не представляющими какую-либо из сторон.

Примером первого может рассматриваться конфликт, возникающий между потерпевшим, представляющим в уголовном процессе свой частный интерес, государственным обвинителем, являющимся носителем публичного интереса, по поводу отказа или изменения последним обвинения. Такие конфликты, безусловно, носят уголовно-процессуальный характер и не так уже редки на практике.

Конфликтовать между собой на уголовно-процессуальной почве могут и представители

стороны защиты. Н. А. Баева, специально исследовавшая вопрос о конфликтах в деятельности адвоката-защитника, насчитала 11 разновидностей таких конфликтов (конфликт по поводу приглашения, назначения и замены защитника, оплаты его труда, вытекающие из обязательного участия защитника, и др.) [5].

Вполне очевидна и возможность развития конфликта между участниками уголовного судопроизводства, не относящимися к сторонам (например, между свидетелями, дающими противоречащие друг другу показания), или между ними и представителями сторон.

Если речь идет о такой сфере отношений, как уголовный процесс, необходимо констатировать, что здесь конфликт может возникнуть между любыми его участниками, независимо от того, какую сторону уголовно-процессуального состязания они представляют и являются ли такими представителями вообще.

Однако это только часть истинной природы уголовно-процессуального конфликта. Мы убеждены, что такое мощное социальное средство, как уголовно-процессуальное право, воздействует не только на сами уголовно-процессуальные отношения, составляющие предмет его правового воздействия, но и на социум в целом, провоцируя или предотвращая социальные конфликты, участниками которых являются общественные структуры, в том числе государство.

С этой точки зрения условно можно вести речь о внутреннем и внешнем уголовно-процессуальном конфликте. Под первым из них мы понимаем конфликт, развившийся внутри системы уголовно-процессуальных отношений между их субъектами. Внешним же уголовно-процессуальным конфликтом необходимо рассматривать социальный макроконтликт, возникший в результате неэффективного воздействия уголовно-процессуального права на систему социальных отношений, в результате чего произошло обострение социальных противоречий, при определенных условиях трансформирующееся в противостояние государства и негосударственных общественных структур.

Список литературы

1. Баев О. А. Конфликтные ситуации на предварительном следствии. Воронеж, 1984.
2. Томин В. Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М., 1991.
3. Францифоров Ю. В. Противоречия уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2007.
4. Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002.
5. Баева Н. А. Конфликты в деятельности адвоката — защитника в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2007.
6. Лебедев Н. Ю. Теоретические основы конфликтов, возникающих в процессе досудебного и судебного производства по уголовному делу и пути их разрешения. Новосибирск, 2012.
7. Дюркгейм Э. Социология образования. М., 1996.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агаев Антон Нурадин-оглы — заместитель прокурора Куйбышевского района г. Новокузнецка

Арсанукаев Адам Рамзанович — заместитель прокурора Азовского немецкого национального района Омской области

Анешева Амина Тулегеновна — доцент кафедры криминалистики Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Бекетов Александр Олегович — судья Советского районного суда г. Омска, кандидат юридических наук

Бондаренко Антон Алексеевич — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Булатов Борис Борисович судья Кировского районного суда г. Омска, кандидат юридических наук, доцент

Бурмагин Сергей Викторович — ведущий научный сотрудник кафедры процессуального права и криминалистики Института права Волгоградского государственного университета, судья в почетной отставке, кандидат юридических наук, доцент

Диваев Александр Борисович — декан юридического факультета, Кузбасского института ФСИИ России (г. Новокузнецк), кандидат юридических наук, доцент

Дударева Марина Александровна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Кальницкий Владимир Васильевич — профессор кафедры уголовного процесса Омской ака-

демии МВД России, кандидат юридических наук, профессор

Коробкова Елена Евгеньевна — заместитель начальника кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук

Куряхова Татьяна Владимировна — старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России

Лугинец Эльвира Фаильевна — доцент кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук

Нуриев Ибмиамин Нуру-оглы — преподаватель кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России (г. Хабаровск)

Пупышева Любовь Андреевна — доцент кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Ткачёва Екатерина Сергеевна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Чемерилова Елена Николаевна — старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России

Шумилова Татьяна Николаевна — преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России

ABSTRACTS AND KEY WORDS

Congratulations on the Jubilee!

Korobkova E. E. To Vladimir A. Azarov's Jubilee!

Criminal Proceedings

Agaev A. N., Divaev A. B. Current Problems of Prosecutor's Supervision over Legality of Verifying Crime Reports

The newly adopted organizational and administrative documents of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation aimed at improving the means of prosecutor's supervision over the criminal procedure activities of the preliminary investigation bodies are under study. The authors outline the main problems of goal setting of these normative documents, as well as the inconsistency between the available criminal procedural means of prosecutor's supervision at the stage of initiating criminal cases and its tasks formulated in the orders.

Keywords: prosecutor's supervision; crime report; legality; preliminary investigation.

Arsanukaev A. R., Shumilova T. N. Competition of Legal Regimes for the Verification of Reports on Crimes and Incidents

The paper deals with legal regimes of verifying reports on crimes, administrative offences and other incidents received by law enforcement agencies. The focus is made on the prosecutors' actual missing the powers during pre-trial proceedings to establish the commission of a crime, reveal a person or persons guilty of having committed a crime. The authors prove the priority of criminal procedural regime of verifying reports on crimes in disputable and ambiguous cases. The legal avenues of the prosecutor's response to violations of the federal legislation in the relevant field of law enforcement are under consideration.

Keywords: the reason for bringing a criminal case, verifying a crime report, prosecutor's supervision, crime, administrative offence, incident, means of verification, prosecutor, inquiry body.

Dudareva M. A. Peculiarities of Implementation of Requirements of Article 161 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation during Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases

The paper dwells on the relevant issues related to protection of confidential data concerning the participants of pre-trial proceedings in criminal cases. The analysis of features of taking the pledge not to disclose data of the preliminary investigation is carried out. The author studies certain problems arising when article 161 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation is applied in criminal proceedings. The ways to overcome the shortcomings of the legislative regulation of the relevant relations are proposed.

Keywords: protection of individual rights, pledge not to disclose data of the preliminary investigation, participants of criminal proceedings.

Kuryakhova T. V. Features of Extending the Term for the Investigative and other Procedural Actions in a Criminal Case returned by the Court to the Prosecutor according to Art. 237 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation

The article draws attention to the inaccuracy of legislative regulation of the procedure for extending the period of preliminary investigation in a criminal case returned from court according to Art. 237 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. The author substantiates the proposal to correct part 6¹ of Art. 162 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation by excluding the instruction to extend the term for the investigator to eliminate violations of the law according to the general procedure and on the general grounds. It is argued that the prosecutor, and not the head of the investigative body, should have the right to extend the period of such proceedings, the need to fill the incompleteness of the initial investigation cannot serve as the basis for extending the term.

Keywords: returning a criminal case to the prosecutor, elimination of law violation, grounds and procedure for extending, prosecutor.

Luginets E. F. The Use of Videoconferencing at the Pre-Trial Stages of the Criminal Proceedings: Advantages and Disadvantages

The article is devoted to the process of digitalization of pre-trial proceedings in a criminal case, namely the possibility of using videoconference systems during investigative actions: interrogation, confrontation, identification.

Keywords: digitalization of criminal proceedings, videoconferencing, interrogation, confrontation, identification, investigator.

Nuriev I. N-o. Investigative Actions Via Videoconferencing during Preliminary Investigation: Theoretical and Practical Issues

The article examines the novelty of the criminal procedural legislation (Article 189¹ of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation), which provides for the investigative actions via videoconference during pre-trial pro-

ceedings. The problematic issues of applying this norm in the practical activities of the bodies of preliminary investigation are considered and ways to solve them are proposed.

Keywords: pre-trial proceedings, videoconference, investigator, inquirer, video technologies, distant investigative actions.

Tkacheva E. S. Restriction of the Right to Inviolability of the Home in Criminal Proceedings

The paper focuses on the procedure for restricting the constitutional right to the inviolability of the home in criminal proceedings and the mechanism of judicial control over the activities of the preliminary investigation bodies related to its restriction.

Keywords: inviolability of the home; investigative actions inside the premises; judicial control; examination; search; seizure.

Chemirilova E. N., Bondarenko A. A. Boundaries of Criminal Liability of a Person Extradited to the Russian Federation

According to the general rules, a person extradited by a foreign state cannot be prosecuted for a crime not specified in the extradition request. In the context of ongoing process of proving, the actual circumstances and their criminal law assessment may change. Based on the analysis of international legislation, the authors make the conclusion that due to changed actual circumstances and legal assessment, the additional consent of the state that extradited the person is not always required.

Keywords: extradition of a person for criminal prosecution; boundaries of proceedings in a criminal case; extradition request.

Proceedings for the Consideration and Resolution of Issues related to the Enforcement of a Sentence

Pupysheva L. A., Beketov A. O. The Victim's Right to Participate in the Trial resolving the Issues related to Enforcement of a Sentence: Problems of Implementation

On the basis of the current legislation, doctrinal provisions and the developing law enforcement practice, the authors examine the relevant problems of the realization by the victim of the right to participate in the court hearing which considers and resolves issues related to the enforcement of a sentence.

Keywords: enforcement of a sentence; victim; victims' representative; trial; court hearing; conditional release from punishment; replacing punishment with a milder form.

Criminalistics

Anesheva A. T. Features of Initiating a Criminal Case and Circumstances to be Established in case of Violation of Road Traffic Rules by a Person Subjected to Administrative Punishment and Deprived of the Right to Drive a Vehicle

The appearance of a new administrative prejudicial composition in the Criminal Code of the Russian Federation will require significant efforts from the law enforcer to determine the circumstances to be established in the process of verifying a crime report. Based on the analysis of criminal, administrative, criminal procedural legislation, as well as scientific literature, recommendations are formulated aimed at optimizing decision-making on initiating criminal proceedings under Art. 264² of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: administrative prejudicial corpus delicti; violation of road traffic rules; person subjected to administrative punishment and deprived of the right to drive a vehicle.

Administrative Law and Administrative Procedure

Bulatov B. B. Application of the Provisions of Art. 1.7 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation to the Norms of a Temporary Nature. Problem Statement

The article deals with the application of the retroactive effect of the law to the norms initially of a temporary nature. The examination of the provisions of the legislation as well as judicial practice enabled the author to state the problem of the expediency of extending the provisions of Part 2 of Art. 1.7 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation to the norms that are valid for a limited period of time.

Keywords: retroactive effect of the law; operation of legislation on administrative offences in time; norms of a temporary nature; rules of conduct under the high alert and emergency regime.

To Assist the Students in Learning Criminal Procedure

Kalnitsky V. V. Using the Results of Detective Activities as the Basis for the Investigative Actions

The article draws attention to one of the aspects of the investigator's using the results of detective activities. Under consideration are issues difficult to understand (due to insufficient regulatory and inter-branches nature) and related to determining the content and volume of factual grounds for making a decision on the investigative actions, including the use of the results of the detective activities.

Keywords: investigative actions; factual grounds for an investigative action; use of the results of the detective activities.

Conference Materials

Burmagin S. V. **Criminal Proceedings concerning the Court's Imposing a Fine require Modernization**

The article examines the procedural shortcomings of the criminal procedure related to resolving the petition of the investigator (inquirer) to terminate the criminal case and impose a court fine on the accused or suspect. According to the author, this procedure is a kind of judicial proceedings in a criminal case and should be carried out in line with the general rules for considering criminal cases, and not cases of judicial supervision. The author formulates proposals for improving the judicial proceedings under analysis.

Keywords: preliminary investigation; prosecutor; judicial proceedings; termination of a criminal case; fine imposed by the court.

Divaev A. B. **Social Character of a Criminal Procedural Conflict**

The conflict nature of the system of criminal procedural relations is under consideration. The paper contains the arguments proving that social conflicts exclusively can be classified as criminal procedural conflicts, which are both of interpersonal (internal criminal procedural conflicts) and intergroup character, conflicts that develop between the state and non-governmental community structures (external criminal procedural conflicts) included.

Keywords: criminal procedure; criminal procedural relations; social conflict; criminal procedural conflict.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Вниманию авторов журнала «Законодательство и практика»!

Редакция журнала принимает к опубликованию:

1. Статьи по проблемам законотворчества, теории уголовного, уголовно-процессуального права, криминалистики, криминологии, оперативно-розыскной деятельности. Поскольку основная направленность журнала — прикладная, предпочтение отдается статьям, в которых рассматриваются вопросы, актуальные для правоприменительной практики.
2. Комментарии ученых к законам, ответы на вопросы правоприменителей, анализ и обобщение прокурорской, следственной и судебной практики, разъяснение позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации.
3. Обзоры следственной, прокурорской и судебной практики.
4. Методические рекомендации по вопросам правоприменения, а также методике и тактике расследования преступлений.
5. Опыт расследования преступлений.
6. Материалы о юристах — профессионалах своего дела.
7. Очерки истории органов предварительного расследования, прокуратуры, судов.

Требования, предъявляемые к материалам:

1. Объем рукописи, как правило, не должен превышать 0,5 п. л., включая приложения. Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных лежит на авторах.
2. Прилагать к рукописи:
  - список ключевых слов (не более семи речевых единиц);
  - аннотацию.Цель аннотации — кратко и емко выразить суть статьи. В аннотации допускается отражение структуры аннотируемого текстового материала. Объем аннотации — до 500 знаков (включая пробелы). Аннотация не должна:
  - быть перифразом заглавия статьи;
  - включать малоинформативные формулировки.Перевод метаданных на английский язык осуществляется силами редакционной коллегии.
3. Автор должен указать следующие анкетные данные: фамилию, имя, отчество (полностью, а не инициалы), должность, ученую степень, ученое звание, электронный адрес, телефон.
4. Рукописи представлять на бумажном и электронном носителях (в форматах DOC, RTF или ODT, кегль 14, с параметрами страницы сверху, снизу, справа, слева — 2,5 см, межстрочным интервалом — 1,5 см).
5. Использовать сквозную нумерацию сносок, располагая их в конце статьи (концевые сноски).
6. К материалам, подготовленным преподавателями, не имеющими ученой степени, адъюнктами и аспирантами, прилагать выписку из протокола заседания соответствующей кафедры образовательной организации.

Направление в редакцию работ, опубликованных или предложенных в другие издательства, не допускается.

Представляя статью для публикации, автор (авторы) тем самым выражает согласие на размещение ее и метаданных в тех информационных системах, с которыми у издателя имеются соответствующие соглашения.

Рукописи принимаются ответственным секретарем журнала Пупышевой Любовью Андреевной (т. р. (3812) 75-11-28, 75-11-13, доб. 2-42, кафедра уголовного процесса Омской академии МВД России, т. с. 8-905-921-97-22). Почтовый адрес: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7, Омская академия МВД России, редколлегия журнала «Законодательство и практика». E-mail: prozess_oma@mail.ru.

Редколлегия оставляет за собой право направлять рукописи на рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы.

Все статьи публикуются бесплатно.

Приглашаем практических работников принять участие в дискуссии по наиболее важным проблемам применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Периодичность выхода журнала — 2 номера в год.

Уважаемые коллеги!

Полнотекстовая версия журнала находится в сети Интернет на сайте Научной электронной библиотеки: <http://elibrary.ru>.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).